

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

О.И. Ананьин

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

ОЧЕРКИ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2026

Рецензенты:

профессор НИУ ВШЭ, доктор экономических наук

В.С. Автономов;

доцент экономического факультета МГУ им. В.М. Ломоносова,
кандидат экономических наук

И.Г. Чаплыгина

Ананьин, О. И.

А64 Экономическая наука: Очерки интеллектуальной истории [Текст] / О.И. Ананьин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2026. — 416 с. — 300 экз. — ISBN 978-5-7598-4343-6 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4484-6 (e-book).

Монография состоит из трех частей, посвященных актуальным вопросам методологии экономической науки, комплексу общих проблем истории экономической мысли и дискурсам советской экономической науки. Экономическая наука рассматривается как феномен интеллектуальной истории, в контексте интеллектуальной и общественно-политической среды ее развития. В методологическом разделе монографии, в отличие от традиционного акцента на теорию, упор сделан на отношения между теоретическим и прикладным знанием, с одной стороны, и между специализированным экономическим знанием и социально-философскими (онтологическими) концепциями — с другой. Исследуется вопрос о роли последних в условиях растущей сегментации и фрагментации экономического знания. В историко-научном разделе исследуется ряд новых тем. Во-первых, обосновывается новая интерпретация формирования экономики как науки, устанавливается связь этого процесса с научной революцией XVII–XVIII вв., а также ключевая роль трактата Р. Кантильона в теоретизации экономического знания. Во-вторых, вводятся в научный оборот архивные материалы из неопубликованного наследия К. Маркса, связанные с трактатом Кантильона и позволяющие уточнить хронологию развития экономических взглядов Маркса и его историко-научную концепцию. В разделе, посвященном экономической мысли советского периода, предлагается новый подход к анализу специфического дискурса советской политической экономии социализма на примере дискуссий о собственности и товарно-денежных отношениях, а также анализ трансформации экономической профессии в позднем Советском Союзе.

Монография обобщает итоги сорокалетних исследований автора и базируется как на ранее опубликованных, но разбросанных по разным изданиям работах, так и на новых исследованиях в соответствующих областях.

УДК 330.83
ББК 65.01

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-4343-6

ISBN 978-5-7598-4343-6 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4484-6 (e-book)

© Ананьин О.И., 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5	
МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ		
Глава 1. Очерк философии и методологии экономической науки	13	
Глава 2. Экономика: наука или искусство	66	
Глава 3. Экономические онтологии и экономические институты.....	99	
Глава 4. Об «экономическом империализме» и формах междисциплинарных взаимодействий	129	
Глава 5. Экономическая наука: вызов фрагментации	140	
Глава 6. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв	155	
Глава 7. Метаморфозы теоретической экономики: от Ричарда Кантильона до Ричарда Талера	172	
ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ		
Глава 8. Плоды Просвещения: каким быть экономическому знанию?	185	
Глава 9. Загадки Ричарда Кантильона.....	207	
Глава 10. Теоретическая экономика Ричарда Кантильона	222	
Глава 11. Карл Маркс читает Ричарда Кантильона	237	
Глава 12. Карл Маркс и его «Капитал».....	257	
ДИСКУРСЫ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ		271
Глава 13. Дискурс о собственности в советской политэкономии	273	
Глава 14. Партнерство поневоле: к истории советских дискуссий о рынке	294	
Глава 15. Карл Маркс о судьбе товарного производства	332	
Глава 16. Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба российского научного сообщества.....	349	
Глава 17. О команде реформаторов и ее экономической программе	370	
Библиография	379	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Упоминание интеллектуальной истории в подзаголовке этой книги требует пояснения. В узком смысле слова под ней обычно имеются в виду конкретные научные школы, возникшие во второй половине XX в., такие как *Кембриджская школа* Джона Покока и Квентина Скиннера или немецкая школа *Begriffsgeschichte* Райнхарда Козеллека. Однако попытки проследить предысторию этих школ сразу же обнаруживают сходства с различными предшественниками и отсутствие четких границ, отделяющих их от некоторых других направлений в широкой области истории идей. Позицию интеллектуальных историков легче определить по тому, какие подходы они *отвергают*. Во-первых, они отвергают презентизм, или «вигскую» историю, т.е. попытки выстраивать историю идей как восхождение к некоторой современной доктрине. Во-вторых, не приемлют монодисциплинарный подход, игнорирующий историческую изменчивость дисциплинарной структуры знания. В-третьих, возражают против внеисторического подхода, сводящего историю идей к вневременному диалогу мыслителей, оторванному от реалий, которые их к этому диалогу побуждали. Хотя подобные грехи — явление в историко-научной и историко-философской литературе отнюдь не редкое, все же и желание их избегать — привилегия не только представителей соответствующих научных школ. Так что интеллектуальную историю в подзаголовке следует понимать в широком смысле: книга написана с симпатией к ее принципам, но не претендует на строгое соответствие канонам ее школ.

Термин «интеллектуальная история» пришел в мою жизнь из учебной практики. В 2014 г. мне довелось участвовать в запуске новой магистерской программы «*Политика. Экономика. Философия*», задуманной как аналог известных в мире программ PPE, призванных адаптировать классическое образование к современности. Одно из требований к выпускнику такой программы — широкий интеллектуальный кругозор. Идею читать традиционные курсы истории каждой из трех базовых дисциплин пришлось отбросить сразу: для этого не было ни учебного времени, ни смысла. Монодисциплинарные курсы такого рода знакомят студента не с мыслителями, а с их мифическими образами. Адам Смит в курсах философа и экономиста — это два совершенно разных существа, вряд ли способных понимать друг друга. Нам же нужно было, напротив, «наводить мосты» между дисциплинами. Так и возникла идея курса интеллектуальной истории, а я благодарен коллегам по Вышке политологу М.В. Ильину, экономисту В.С. Автономову, философам А.Ф. Филиппову и А.А. Глухову за их заинтересованное участие в разработке модели этого курса.

Впрочем, упоминание интеллектуальной истории в подзаголовке имеет еще один смысл. Эта книга представляет собой сборник статей, первая из которых была опубликована более пятидесяти лет назад. За это время мне пришлось работать над очень разными проблемами, которые могут по-

казаться мало связанными между собой: экономические реформы в бывших соцстранах; методология науки в ее приложении к экономическому знанию; история экономической мысли, преимущественно доклассического и классического периода; и, наконец, политэкономия социализма. Но все эти тематические переходы диктовались не внешними обстоятельствами, а логикой самих исследований. А это значит, что у этих исследований есть своя интеллектуальная история, которая также нуждается в экспликации, поскольку в опубликованных текстах она в явном виде, как правило, не фиксируется.

Первый тематический блок моих исследований определился уже в бытность студентом экономического факультета МГУ. Специализация по кафедре экономики зарубежных стран предполагала выбор страновой специализации уже на первом курсе. В моем случае этот выбор пришелся на 1967 г. и на Чехословакию. Это почти сразу погрузило студентов нашей небольшой группы в события Пражской весны, что, в свою очередь, предредило мой выбор тем сначала курсовой, а затем и дипломной работ в пользу изучения экономических реформ в этой стране. Уже в дипломе и, позже, в кандидатской диссертации в Институте экономики АН СССР центр тяжести сместился в сторону идейно-теоретических споров вокруг реформы. Сегодня можно определенно сказать, что это была работа именно в жанре интеллектуальной истории: нужно было вникать в аргументы сторон и понимать объективные и интеллектуальные предпосылки, на которых они строились. Реформы 1960–1970-х годов поставили фундаментальные теоретические и методологические вопросы перед экономической наукой. С размышлениями над этими проблемами была связана самая ранняя работа, вошедшая в эту книгу (глава 15). Она была опубликована в 1983 г. в сборнике трудов ВНИИСИ, приуроченном к 100-летию смерти Маркса. Инициатором его подготовки выступила пассионарная женщина Галина Яковлевна Ракитская, собравшая авторский коллектив, который сделал бы честь любой монографии. Достаточно упомянуть такие имена, как Ю.А. Левада, Ю.В. Сухотин, О.С. Пчелинцев. В моей статье содержалась попытка разобраться, что означал для Маркса его тезис об отрицании товарного производства при переходе к социализму. Было очевидно, что Маркс, воспитанный на гегелевской философии, не мог понимать под отрицанием простое отбрасывание или разрушение существующего — требовалось его позитивное преодоление. Механизмы, подлежащие такому преодолению, и условия, для этого необходимые, и стали предметом анализа. Теперь, когда в мире наблюдается заметный рост интереса к теме посткапитализма, этот давний анализ имеет шансы найти своих новых читателей.

Исследования опыта реформ в социалистических странах и участие в дискуссиях периода перестройки в 1980-е годы все больше убеждали, что теоретический аппарат экономики слишком узок для решения возникавших задач. В середине 1980-х я вернулся в Институт экономики (ИЭ), а сфера моих интересов постепенно смещалась в сторону методологии экономической науки, которая в тот период быстро развивалась. Этот задел оказался востребованным в разгар кризиса, сопровождавшего распад Советского Союза, когда директор ИЭ академик Л.И. Абалкин инициировал подготовку конференции «Экономическая теория на пути к новой парадигме». Первую версию будущего

доклада я писал в начале 1992 г., в первые недели рыночных реформ. В те дни менялась парадигма не только теории, но и самой экономики, а заодно российской государственности и места страны в мире. Работа над докладом помогала осмысливать тогдашнюю турбулентную обстановку, а итогом была статья, составившая главу 16.

В 1990-е и 2000-е годы в центре внимания оставались проблемы методологии экономической науки. Основные результаты этой работы были обобщены в монографии «Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ» (М.: Наука, 2005). В данной книге этот период нашел краткое отражение в главе 1, которая представляет собой «выжимку» из монографии для учебника «Философия социальных и гуманитарных наук» (вышедшей под редакцией профессора С.А. Лебедева двумя изданиями в 2006 и 2008 гг.). Эта глава служит основой для обсуждения большинства проблем методологии, затрагиваемых в последующих разделах.

В главе 2 отражены результаты проекта по осмыслению прикладного знания в составе экономической науки. Для профессии экономиста эта сфера деятельности является преобладающей, но в течение длительного времени она оставалась на периферии внимания методологов и историков науки.

Глава 3 сфокусировала внимание на другом малоисследованном звене — онтологических предпосылках знания, т.е. на том, что практикующий экономист обычно принимает без обсуждения, хотя именно от таких предпосылок во многом зависят ключевые решения о направлении и характере исследований и разработок.

Своеобразным приложением к результатам этого этапа исследований стал проект, выполненный совместно с двумя талантливыми студентами НИУ ВШЭ Р.Г. Хайткуловым и Д.Е. Шестаковым, по осмыслению феномена «Вашингтонского консенсуса». По существу, это был естественный эксперимент по тестированию комплекса ключевых принципов консервативно-неоклассического мейнстрима, который продемонстрировал его методологическую несостоятельность — неадекватность его претензий на универсальность. Студенты существенно обогатили первоначальную концепцию проекта, что позволило опубликовать статью в одном из ведущих отечественных журналов (глава 6), где она уже почти 15 лет занимает достойное место среди наиболее цитируемых публикаций.

Еще одна методологическая тема, которая особенно актуализировалась в последние годы, связана с участием экономической науки в междисциплинарных взаимодействиях. Поначалу эта тема обсуждалась в контексте так называемого экономического империализма (глава 4), но позже приобрела более драматические оттенки и теперь обсуждается в контексте долгосрочных перспектив экономики как самостоятельной области знания (главы 5 и 7). При этом глава 7 несколько отличается от других по своему жанру. Она готовилась как дискуссионный доклад, нацеленный на заостренную постановку проблемы.

Один из выводов, к которому подводил методологический анализ состояния экономической науки, был в том, что многие ее проблемы уходят корнями в ее историю: они проявлялись на разных этапах, принимали разные

внешние формы, но так и не находили адекватного решения. Это наблюдение стимулировало интерес к генезису экономики как науки, а углубление в эту тему выявило устойчивые и малообоснованные стереотипы в отношении ранних стадий формирования научной экономики. Так возник проект конкурирующих проектов экономической науки в контексте науки и культуры XVII—XVIII вв., результаты разработки которого составляют содержание глав 8–10. В центре этого проекта оказалась фигура Ричарда Кантильона, роль которого в истории экономической мысли давно вызывает много споров. Естественным расширением этого блока исследований стал специфический проект об отношении Карла Маркса к Кантильону. Из контактов с британским исследователем наследия Кантильона Ричардом ван ден Бергом, с одной стороны, и ведущим отечественным марксоведом Л.Л. Васиной — с другой, удалось сначала выяснить местонахождение, а затем и получить доступ к неопубликованным расшифровкам выписок Маркса из основного сочинения Кантильона. В итоге это позволило ввести в научный оборот неизвестный прежде источник (глава 11) и с его помощью обосновать необходимость отказа от догматической трактовки марксовой историографии политической экономии. Теме современного прочтения Маркса посвящена и глава 12, текст которой был положен в основу вводной статьи к расширенному изданию «Капитала», предпринятому издательством «Эксмо» в 2011 г.

Наконец, последний раздел настоящей книги посвящен экономической науке советского периода. Ситуация, когда общественный интерес к советской экономической мысли практически отсутствовал, а те редкие работы, которые иногда появлялись, принадлежали авторам, достаточно явно ангажированным в пользу отдельных научных школ и фигур той эпохи, не могла не вызывать беспокойства. Время уходило безвозвратно. Людей, знавших это время и эту литературу, с каждым годом становилось меньше, возникала реальная угроза утраты исторической памяти в отношении целой эпохи в истории отечественной экономической мысли. Восстанавливать такую память будущим поколениям будет намного труднее, поскольку документы той эпохи — ее книги и журналы — принадлежали специфическому дискурсу со своими неписаными правилами, без знания которых понимание текстов не будет адекватным. Порой казалось, что опыт моей работы в коллективах, относившихся к разным научным школам советских экономистов (МГУ, ИЭ РАН, ВНИИСИ), может быть полезен для более объективного объяснения феномена экономической теории в советском обществе, и это создавало ощущение своего рода долга перед этой памятью. Долгое время эта тема оставалась в планах, сроки выполнения которых постоянно переносились. Однако в 2015–2016 гг. неожиданным импульсом к их реализации послужили два международных проекта, посвященных забытому было феномену экономической мысли в бывших соцстранах. Один из них был инициирован группой восточно-европейских ученых и посвящен «сравнительной истории экономической мысли при коммунизме», а второй возник на базе старейшего профессионального журнала *History of Political Economy* во главе с молодым немецким исследователем Тилем Дюппе и нашим выпускником Иваном Болдыревым «Экономическое знание при социализме, 1945–1989 гг.» Решиться

на участие в этих обязывающих проектах было не просто, и только поддержка коллег, прежде всего Д.В. Мельника, создала такую возможность. Результаты нашей совместной с Д.В. Мельником работы в обоих проектах представлены в главах 13 и 14. К этому циклу работ примыкает и глава 17, которая, однако, представляет собой не столько *исследование* заявленной темы, сколько обобщение соответствующего *личного опыта*. В ее основу положен доклад на ежегодной конференции Европейского общества истории экономической мысли, состоявшейся в 2008 г. в Праге.

* * *

Впервые в настоящем издании публикуется глава 14, а главы 5 и 10 — с исправлениями и дополнениями. Другие тексты были сверены с целью исправления опечаток, сверки источников, устранения повторов и унификации научного аппарата. В остальном все материалы воспроизводятся в том виде, как они публиковались в первоисточниках. Не могу не выразить искреннюю благодарность Андрею Яновичу Котковскому (журнал «Вопросы экономики»), Александру Яковлевичу Рубинштейну («Журнал Новой Экономической Ассоциации»), Артему Александровичу Смирнову (Издательство Института Гайдара), Игорю Александровичу Савкину (Издательство «Алетейя») и Леониду Эдуардовичу Лимонову («Леонтьевский центр»), любезно согласившихся дать разрешения на republication соответствующих материалов.

Разделы настоящей монографии впервые были опубликованы в следующих изданиях:

Глава 1 — как глава 3 (раздел II) учебника «Философия социальных и гуманитарных наук», под редакцией профессора С.А. Лебедева (М.: Академический проект, 2006. С. 353–436) и глава 5 (раздел II) 2-го издания этого же учебника (М.: Академический проект, 2008. С. 438–521).

Глава 2 — в журналах «Вопросы экономики», 2007, № 11 (с. 4–24) и «Мировая экономика и международные отношения», 2008, № 1 (с. 15–23).

Глава 3 — в коллективной монографии «Предпосылки экономической теории: критический анализ», вышедшей под редакцией А.Я. Рубинштейна и Р.М. Нуреева (СПб.: Алетейя, 2017. С. 14–55). Частично она была опубликована в журнале «Федерализм», 2013, № 1 (с. 75–100).

Глава 4 — в журнале «Общественные науки и современность», 2009, № 6 (с. 130–139).

Глава 5 — в «Журнале Новой Экономической Ассоциации», 2024, № 2 (с. 193–210).

Глава 6 (в соавторстве с Р.Г. Хаиткуловым и Д.А. Шестаковым) — в журнале «Мировая экономика и международные отношения», 2010, № 12 (с. 15–27).

Глава 7 — в сборнике «Экономическая теория: триумф или кризис?» (СПб.: Леонтьевский центр, 2018. С. 231–251).

Глава 8 — в журнале «Эпистемология и философия науки», 2023, № 2 (с. 187–205) и № 3 (с. 171–193).

Глава 9 — в книге: *Кантильон Р. Опыт о природе коммерции: Общие вопросы*. М.: Дело. С. 9–37.

Глава 10 — в журнале «Вопросы экономики», 2023, № 4 (с. 103–118); публикуется с изменениями и дополнениями.

Глава 11 — на русском языке — в журнале «Вопросы политической экономии», 2023, № 4 (с. 93–117). Ранняя версия опубликована в журнале *The European Journal of the History of Economic Thought*, 2014, Vol. 21, No. 6 (p. 950–976).

Глава 12 — в журнале «Вопросы экономики», 2007, № 9 (с. 72–86).

Глава 13 (в соавторстве с к.э.н. Д.В. Мельником) — в журнале «Вопросы экономики», 2023, № 10 (с. 27–52). Ранняя версия на английском языке опубликована в коллективной монографии: *Populating No Man's Land. Concepts of Ownership in Economic Thought under Communism* / J. Kovacs (ed.). Lanham: Lexington Books, 2018.

Глава 14 (в соавторстве с к.э.н. Д.В. Мельником) публикуется впервые. В работе использованы отдельные фрагменты статьи авторов, опубликованной в журнале *History of Political Economy*, 2019, Annual supplement to Vol. 51 (p. 75–99).

Глава 15 — в Сборнике трудов ВНИИСИ (выпуск 8): *Экономика и общество (Истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития)* / отв. ред. С.С. Шаталин. М.: ВНИИСИ, 1983. С. 72–86.

Глава 16 — в журнале «Вопросы экономики», 1992, № 10 (с. 81–99).

Глава 17 — в журнале «Мир России: социология, этнология», 2012, № 1 (с. 3–10).

МЕТОДОЛОГИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Глава 1

Очерк философии и методологии экономической науки

Экономическую науку иногда называют «мирской философией»: она обращена к проблемам повседневной жизни людей и стремится осмысливать их систематически, научными методами. Впрочем, что именно подлежит осмыслению и какими средствами оно достигается — это вопросы, на которые нет однозначных ответов. Более того, разные варианты ответов на эти вопросы служили основой формирования научных школ и целых направлений экономической мысли, что во многом определило и логику развития экономической науки, и современную палитру экономического знания.

В данной главе представлена общая характеристика экономики как науки (раздел 1.1); рассмотрены идеалы научности, определившие ее первоначальный облик (раздел 1.2), эволюция представлений об экономике как объекте познания (раздел 1.3) и взглядов на методы изучения хозяйственных явлений (раздел 1.4), роль ценностного и, в частности, этического начала в экономической науке (раздел 1.5), наконец, развитие современной экономической методологии как составной части науки (раздел 1.6).

1.1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ОБЪЕКТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Современная философия изучает экономическую науку в двух основных аспектах: как отрасль знания и как вид человеческой деятельности.

Наиболее традиционный аспект философского исследования науки — *эпистемологический*. Он фокусирует внимание на конечном продукте научной деятельности — системе научного экономического знания, ее структуре и генезисе. Развитие научного знания рассматривается прежде всего в его собственной внутренней логике при относительно пассивной роли социокультурной среды.

Структура экономического знания с точки зрения его *содержания* определяется дифференциацией научно-исследовательских программ и сложившихся на их основе научных направлений, школ и традиций. В основе каждой научно-исследовательской программы лежит ее ядро: набор базовых установок, составляющих картину экономической реальности, или онтологию. Конкретное воплощение эти установки находят в научной терминологии, тематике исследований, а также в идеалах и нормах научной работы в данной области. Одно из главных направлений развития экономики как науки — расширение спектра научно-исследовательских программ.

Механизм генерирования новых знаний охватывает широкий круг традиционных проблем эпистемологии и методологии в узком смысле слова (как учения о методах научного исследования). Взгляды экономистов на происхождение и природу научных знаний и научного метода складывались под влиянием общенаучных методологических стандартов, отражавших опыт наук-лидеров. В разное время в этой роли выступали математика и астрономия, теоретическая физика и эволюционная биология.

Функциональная структура научного экономического знания включает:

- теоретическое знание;
- эмпирическое знание (совокупность фактов, получивших истолкование в рамках соответствующей теории и составляющих ее эмпирический базис);
- онтологическое знание, состоящее из обобщенных представлений о предметной области, согласованных с более широкими мировоззренческими установками;
- инструментальное знание и навыки по технологии исследовательской работы;
- инструментальное знание и навыки прикладного характера, составляющие основу искусства экономики (включая значительный корпус опытного знания).

Экономическая теория — это систематизированное знание об устойчивых, повторяющихся связях в экономических явлениях и процессах, их структурных характеристиках, закономерностях функционирования и тенденциях развития. Экономическая теория служит для объяснения экономических фактов, лучшего понимания и предвидения хозяйственно-политических событий. Экономическая теория в узком смысле слова — это частная совокупность взаимосвязанных между собой научных понятий и суждений, характеризующих определенную зависимость между элементами (состояниями, свойствами) экономической реальности. Совокупность теорий разного уровня составляет экономическую теорию в широком смысле слова.

Экономические теории строятся из соответствующих понятий — экономических категорий — и включают, как правило, следующие элементы:

- исходные посылки (аксиомы, постулаты);
- теоретические модели;
- теоретические утверждения, или выводы (законы, теоремы, гипотезы, предвидения и т.д.);
- свидетельства правдоподобности (истинности) теоретических выводов или условия проверки гипотез.

Экономические категории — это абстрактные теоретические понятия, обозначающие основные элементы экономической реальности: например, «экономический человек», «фирма», «капитал»; их состояния («экономическое равновесие») или свойства («стоимость», «предельная полезность»). Содержание категорий зависит от теоретического контекста: категории, выражаемые одинаковыми терминами, но используемые разными научными школами, часто имеют разное содержание (например, «капитал» в теориях Адама Смита, Карла Маркса, Ойгена фон Бём-Баверка и Джона Бейтса Кларка).

Теоретические понятия не идентичны по содержанию с одноименными эмпирическими понятиями: так, величина «теоретического» валового внутреннего продукта (ВВП) никогда не совпадает с ВВП, как его рассчитывает статистика, — хотя бы из-за неизбежных условностей статистического учета.

Исходные постулаты теории («труд — источник богатства», «фирма максимизирует прибыль», «ожидания экономических агентов рациональны») могут иметь разное происхождение: отражать повседневный опыт, заимствоваться из религиозных представлений или философской картины мира, наконец, приниматься условно (конвенционально) как удобное упрощение. Впрочем, момент условности присущ даже тем постулатам, которые кажутся самоочевидными. Именно поэтому не существует абсолютно достоверных теорий.

Теоретическая модель — рабочий инструмент исследователя, при помощи которого теоретические понятия и реальность соотносятся между собой. Модель упорядочивает понятия, устанавливая между ними связи и отношения, которые предположительно соответствуют связям и отношениям реального мира. Сопоставление результатов логического анализа свойств модели с характеристиками реальности для последующей корректировки модели — важнейшее средство разработки теории. В экономической науке применяется широкий спектр моделей: от простейших метафор, аналогий и вербальных (словесных) схем, используемых в научных рассуждениях (мыслительных экспериментах), до сложных математических моделей и компьютерных имитационных систем. Первой четко выраженной экономической моделью, отображавшей кругооборот общественного продукта, была «*Экономическая таблица*» Франсуа Кенэ (1758), построенная на метафоре кровообращения. В современной экономической науке неуклонно возрастает роль формализованных математических моделей, преимущество которых связано с возможностью надежного прослеживания сложных цепочек взаимосвязей между параметрами и переменными. В зависимости от творческой задачи могут применяться как модели-аппроксимации, призванные отображать реальность как можно ближе к оригиналу, так и модели-карикатуры, намеренно искажающие общую картину, с тем чтобы оттенить отдельные ее черты [Gibbard, Varian, 1978, p. 421–441]. Примером такой модели-карикатуры может служить модель рынка с нулевыми транзакционными издержками, позволившая сформулировать теорему Коуза.

Цели теоретического анализа варьируются в зависимости от методологических установок ученого: эмпирические установки требуют выдвижения научных фактов или предвидений; рационалистические установки — обобщающих выводов: законов, теорий. В любом случае экономическая теория имеет дело с утверждениями, устанавливающими связь между понятиями (законами науки); степень их соответствия законам реального мира и, соответственно, область их применимости всегда ограничена их предпосылками.

Экономическая наука включает теории, различающиеся по степени общности, сложности, формализованности — такие как: количественная теория денег и трудовая теория стоимости, законы Грэшема и Сэя, закон тенденции нормы прибыли к понижению Маркса и законы Госсена, теория длинных

волн Кондратьева и принцип мультипликатора Кейнса, уравнения Слуцкого и эффект Пигу, кривая Лоренца и др.

Теории делятся на позитивные и нормативные: первые ограничиваются суждениями о том, что есть, т.е. суждениями, подтвержденными фактами, или в принципе проверяемыми путем обращения к фактам; вторые содержат ценностные суждения, т.е. суждения о том, что должно быть. Это различие часто имеет условный характер, поскольку нормативное начало может неявно содержаться в исходных постулатах теории.

Теория получает признание в качестве истинной или хотя бы правдоподобной, если есть подтверждающие ее факты и нет опровергающих. Предпосылки теории могут не совпадать с обстоятельствами появления фактов, а отнесение факта к существенным для теории или, напротив, к сопутствующим и случайным — не всегда очевидно. Кроме того, чтобы установить любой факт, внимание наблюдателя должно быть определенным образом сфокусировано. Теория — не что иное, как способ такой фокусировки, поэтому факты, как правило, нельзя считать независимыми от теории.

Начиная с 80-х годов XX в. в экономической методологии сложились новые подходы — риторический и институционально-социологический, — рассматривающие экономическую науку в единстве собственно научного знания и механизмов функционирования научного сообщества. Разнообразие направлений и школ экономической мысли с разными, порой несовместимыми методологическими установками, потребовало переосмысления прежних наивных представлений о возможности установления общего, обязательного для всех методологического стандарта. В современной экономической методологии широкое признание находит принцип методологического плюрализма, согласно которому ученый свободен в выборе средств исследования, правда, при условии четкой идентификации собственных методологических принципов (или принципов научной школы, в рамках которой он работает) и готовности к их критическому обсуждению. Последнее необходимо, чтобы плюрализм не выродился во вседозволенность, препятствующую эффективному профессиональному общению в рамках научного сообщества. В этих условиях меняются функции экономической методологии. Традиционная нормативная функция, предписывающая, как должно вести исследования, теряет былое значение. Методология становится дескриптивно-аналитической, изучающей, как фактически генерируются новые знания, ведутся исследования, функционирует научное сообщество. Формируется ее профессионально-этическая функция, призванная в условиях методологического плюрализма и растущей дифференциации знания совершенствовать механизмы внутринаучной коммуникации и содействовать взаимопониманию между экономистами разных специализаций и научных направлений.

1.2. ДВЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Экономика как научная дисциплина сложилась в Западной Европе в XVIII в. на основе обобщения идей и опыта так называемой эпохи меркантилизма — двух столетий полемики о принципах экономической политики

государств. Другим мощным фактором и стимулом ее формирования служил идеал науки, который в век Просвещения опирался на успехи и отражал опыт классической механики с ее строгим теоретическим каркасом. Под влиянием этих разнонаправленных факторов с самого начала были предложены две разные модели новой науки, которую стали называть политической экономией. Их характерными представителями были два знаменитых шотландца: сэра Джеймса Стюарта и Адам Смита.

«Принципы исследования политической экономии» Джеймса Стюарта [Steuart, 1767] базировались на концепции научного знания, в которой теоретическое начало было сознательно подчинено началу практическому: экономика как наука ставилась на службу экономики как искусства. Стюарт изначально предполагал, что экономика нуждается в мудром правителе, и задача новой науки — вооружить его принципами, которые помогут всякий раз в меняющихся обстоятельствах выбирать верный курс экономической политики. Своими «Принципами» он задал гибкую систему ориентиров для обсуждения экономических проблем, оценки ситуаций и выработки решений.

Экономика по Стюарту представляла собой сочетание трех начал [Urquhart, 1996, p. 382–383]:

- *природы человека*, задающей универсальные принципы его поведения, прежде всего приоритет собственных интересов;
- *истории*, определяющей изменчивость и разнообразие естественных, геополитических, культурных (включая «дух народа») условий, в которых эти принципы действуют;
- модели взаимодействия двух первых начал — фактически *типа социального строя*.

Подход Стюарта допускал различную субординацию основных начал и, соответственно, существование различных экономических систем, одновременно оставляя место для проявления воли правителя. По его образному выражению,

торговые нации Европы подобны флоту из кораблей, каждый из которых стремится первым прибыть в определенный порт. На каждом государь — его капитан. В их паруса дует один ветер; этот ветер — принцип собственного интереса... Естественные преимущества каждой нации — это разная мера качества плывущих судов, однако капитан, ведущий свой корабль с наибольшим умением и изобретательностью... при прочих равных условиях, несомненно, выйдет вперед и удержит свое преимущество [Steuart, 1767, p. 333–334].

Стюарт не претендовал на открытие универсальных экономических законов, для него важнее было, чтобы степень определенности знания соответствовала природе изучаемого предмета. Эта установка дорого обошлась автору. Сознвая сложность своего предмета, Стюарт обставлял свои обобщения многочисленными уточнениями и оговорками, что сильно утяжеляло стиль трактата и затрудняло его восприятие современниками. Примером для подражания стало разве что название работы Стюарта: позже «Принципами политической экономии» именовали свои главные сочинения Джеймс и Джон

Стюарт Милли, Давид Рикардо, Симон де Сисмонди, Томас Мальтус, Джон Р. Мак-Куллох и другие известные экономисты. Однако в содержательном и методологическом отношении законодателем моды в нарождавшейся науке стала другая работа — «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смита, вышедшая в 1776 г. [Смит, 2007].

Научным идеалом Смита была физика Ньютона. За внешним непостоянством и разнообразием экономических явлений Смит искал их общие причины и неизменную природу. Выражением истинной природы экономики он считал ее «естественное» состояние, точнее — некоторую последовательность таких состояний, или траекторию экономического роста, которая служит осью притяжения в колебательном движении реальных народнохозяйственных процессов.

Теория для Смита была характеристикой экономики в чистом виде, как идеально отлаженного часового механизма¹. В этом его подход радикально отличался от подхода Стюарта, который нацеливал на охват объекта во всей его сложности. Для Стюарта экономика ассоциировалась скорее с таким часовым механизмом, который часто барахлит и постоянно нуждается в настройщике.

В столкновении принципов простоты и сложности победила модель А. Смита, и экономическая наука стала развиваться преимущественно как наука теоретическая, ориентированная на идеалы и нормы естествознания. Правда, эта победа никогда не была полной. Политическая экономия выросла из моральной философии и традиционно классифицировалась как наука моральная, или — в современных терминах — общественная, а потому не вполне подпадающая под канон естествознания. У самого Смита стремление к простоте и универсальности теоретических принципов уравновешивалось исторической эрудицией и житейским опытом автора. В последующей истории экономической науки такое сочетание достигалось не всегда, и ее канонический образ регулярно подвергался критике за неоправданное упрощенчество и отрыв от реальности.

1.3. КАРТИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Выделение экономики как объекта познания только на первый взгляд может показаться простой задачей. Отнюдь не случайно, что ранние общества, судя по исследованиям антропологов, вообще не знали такого понятия. Социолог Карл Поланьи назвал такое положение «анонимностью экономики»: в ранних обществах «экономический процесс институционально оформляется посредством отношений родства, брака, возрастных групп, тайных обществ, тотемных ассоциаций и общественных торжеств. Термин “экономическая жизнь” не имеет здесь очевидного значения» [Поланьи, 2004, с. 18]. Понятие экономики, согласно Поланьи, возникло лишь после

¹ «Человеческое общество, рассматриваемое с абстрактной и философской точки зрения, можно сравнить с огромной машиной, правильные и согласованные движения которой дают массу полезных результатов» [Смит, 1997, с. 305].

того, как сама экономика как объективное явление выделилась из нераздельной прежде социальной ткани в автономную подсистему общества, что и произошло в процессе формирования рыночных экономик уже в Новое время.

Стоит заметить, что этимологический предшественник современной «экономики» — древнегреческое слово «*ойкономия*» было гораздо шире по значению и охватывало все, что относилось к ведению домашнего хозяйства — от агротехники до бытовой гигиены и семейных отношений. Знания на столь разнородные темы могли соседствовать в нравоучительных трактатах типа знаменитого «Домостроя», но не имели шансов стать единой наукой.

Кристаллизация представлений об экономике как объекте теоретического познания шла по двум линиям: одна выстраивалась вокруг особого предмета — *материального богатства*, другая — вокруг особого *типа поведения людей*, мотивированного исключительно их частными интересами. На этой основе сформировались две базовые картины экономической реальности, или онтологии, которые с долей условности можно назвать, соответственно, *продуктовой* и *поведенческой*².

Первым из крупных экономистов, кто проявил осознанный интерес к картинам экономической реальности, или онтологиям как особому типу знания, был, по-видимому, Шумпетер. В своей «Истории экономического анализа» он отметил:

Чтобы иметь возможность сформулировать какую бы то ни было проблему, прежде мы должны иметь перед собой образ некоторой взаимосвязанной совокупности явлений в качестве заслуживающего внимания объекта наших аналитических усилий... Такого рода видение не только исторически должно предшествовать началу исследования в любой области, но может и заново вторгаться в историю каждой сложившейся науки всякий раз, когда появляется человек, способный видеть вещи в таком свете, источник которого не может быть найден среди факторов, методов и результатов, характеризующих ранее достигнутый уровень развития науки [Шумпетер, 2001, с. 49].

Систематическая работа по выявлению и анализу экономических онтологий началась позже и была связана с переосмыслением истории экономической науки на базе методологических идей Имре Лакатоша. Идентификация и сопоставление конкурирующих научно-исследовательских программ предполагали прежде всего выявление их онтологической компоненты, или, в терминах Лакатоша, «жесткого ядра». Это позволило выработать новое, более емкое представление о логике развития экономической науки, показать, что структура экономического знания, с точки зрения его содержания, формировалась главным образом путем расширения спектра научно-исследовательских программ и сложившихся на их основе научных направлений, школ и традиций.

² Ср. с разграничением *вещного* и *акционного* рядов у Н.Д. Кондратьева [Кондратьев, 1991, с. 88–89].

1.3.1. Дуализм картины экономической реальности классической школы политической экономии

Обе базовые экономические онтологии — продуктовую и поведенческую — можно найти уже у А. Смита. В его теоретической системе явно выделяются два блока.

Один связан с метафорой «невидимой руки», согласно которой рынок координирует действия людей, направляя частный интерес каждого его участника на поиск путей удовлетворения общественного спроса. Это был смелый контринтуитивный вывод. Вопреки общепринятому мнению, он утверждал, что между частными и общественными интересами нет антагонизма. Этот вывод лежал в основе нарождавшейся либеральной идеологии, выражая веру Смита в способность рынка к саморегулированию, подкрепляя его приверженность принципам свободы торговли и предпринимательства, скептицизм в отношении государственного регулирования экономических процессов.

Поясняя свою мысль, Смит ссылаясь на тенденцию рынков к взаимному уравниванию спроса и предложения и, соответственно, тяготение цен к их естественному (читай — равновесному) уровню. В свою очередь, эту тенденцию он выводил из двух простых зависимостей: а) превышение спроса над предложением повышает цену (и доходность) товара и тем самым б) привлекает дополнительные ресурсы на данный рынок, восполняя недостаточное предложение. Симметричный уравнивающий механизм «запускается» в случае превышения предложения над спросом.

Второй блок теоретической системы А. Смита покоится на абстракции общественного продукта. Экономика предстает как процесс непрерывного кругооборота некоторого однородного субстрата — общественного продукта, обеспечивающего материальную базу всей жизнедеятельности общества. Каждый год он распределяется между всеми классами общества, потребляется ими и снова воссоздается трудом производительных работников. Эта продуктовая онтология задает четкую и жесткую рамку для анализа зависимостей, определяющих возможности и последствия структурных сдвигов в распределении и использовании производимого богатства (пропорциях потребления и накопления, соотношениях заработной платы, прибыли и ренты и т.д.), предпосылки и пределы его роста.

Звено, которое связывает два блока, — понятие естественной цены. Механизм «невидимой руки» призван объяснить единство естественных и рыночных цен (в силу их совпадения в естественном, т.е. равновесном состоянии экономики) и, следовательно, правомерность использования в экономических измерениях естественных, т.е. равновесных цен взамен фактических рыночных. Это дает единое и устойчивое во времени мерило всех продуктов. В результате общественный продукт как конгломерат разнородных благ, произведенных нацией в течение года, может быть представлен как нечто единое, как особый предмет изучения.

Вопреки распространенному убеждению, именно образ кругооборота общественного продукта, а не анализ рыночной конкуренции, стал первой научной картиной экономической реальности — сначала у физиократов, затем

у Смита. Важнейшие собственно научные достижения классической политической экономии базировались именно на продуктовой онтологии³, для которой были характерны:

- предпосылка естественного (нормального, сбалансированного) состояния;
- выделение важнейших структурных инвариантов, описывающих такое состояние (затраты-результаты, продукт-доходы, сбережения-инвестиции и т.д.);
- акцент на ресурсные (материальные) факторы распределительных отношений и экономического роста.

Что касается поведенческой онтологии, то у Смита она еще не стала основой научной теории. В описании рыночного механизма Смит не был оригинален и не шел дальше представлений здравого смысла своей эпохи. Как и Исаак Ньютон, он верил, что естественный мир гармоничен в силу его божественного происхождения. В результате образ «невидимой руки» Провидения, гармонизирующей частные интересы с общественным благом, сразу же стал ядром идеологической доктрины, но лишь спустя век — в результате маржиналистской революции — развился в научную онтологию для целого спектра исследовательских программ.

Раздвоенность картины экономической реальности в классической политической экономии создавала значительные трудности при определении ее предмета. Первая же систематическая попытка такого рода, предпринятая Дж.С. Миллем в его методологическом очерке в 30-е годы XIX в., натолкнулась на проблему разграничения факторов богатства и, соответственно, наук, их изучающих. Милль сознавал, что рост богатства во многом обусловлен состоянием производственно-технической базы, изучение которой не входит в сферу компетенции экономиста: «Так, производство зерна посредством человеческого труда — это результат закона разума и многих законов материи». Его решение проблемы поначалу было прямолинейным: «Те законы, которые представляют собой исключительно законы материи, относятся к ведению физической науки... законы же человеческого разума, и никакие иные, — в ведении политической экономии, которая окончательно суммирует совместный результат действия тех и других». Соответственно, политическая экономия определялась как наука об общих законах рационального человеческого поведения по сравнению с естественными науками, изучающими общие законы материи. «Достаточно универсальный» характер общественных законов Милль объяснял их сводимостью к «элементарным законам человеческого ума», иначе

³ В дискуссиях конца XIX в. этот момент четко зафиксировал один из ведущих английских экономистов и философов того периода Генри Сиджвик: «...“Законы”, которыми занимается экономическая наука, — это прежде всего законы, определяющие экономические величины — общий объем богатства, его ежегодный прирост, относительные ценности его различных элементов, доли в этом богатстве экономических классов, участвовавших в его производстве... Вовсе не защита естественной свободы, а именно вклад в понимание того, чем определяются эти величины, составляет, по мнению экономистов, главную заслугу Адама Смита и определяет его место в истории развития экономической науки» [Sidgwick, 1962, p. 82].

говоря, наличием некоторой общей природы человека. Так, в случае производства зерна «закон разума состоит в том, что человек стремится обладать средствами существования и, в конечном счете, действует ради их обеспечения» [Милль, 2007а, с. 996–1000].

Однако после написания собственных трудов по политической экономии Дж.С. Милль заметно скорректировал позицию. Прежде всего, он признал, «что притязать на научный характер политическая экономия имеет право «лишь благодаря принципу конкуренции», ибо только на его основе «можно сформулировать довольно общие и обладающие научной точностью принципы, в соответствии с которыми будут регулироваться ренты и т.д.» [Милль, 2007б, с. 308]. Кроме того, он стал разграничивать законы производства и законы распределения и приравнивал законы производства к «истинам, свойственным естественным наукам» и не имеющим в себе «ничего, зависящего от воли» [Там же, с. 106, 269]⁴.

Уточнив первоначальную позицию, Милль явно пошел навстречу практике тогдашней политекономии, как она была представлена трудами А. Смита и Д. Рикардо, Т. Мальтуса и Жана-Батиста Сэя. Законы поведения нужны были «классикам» главным образом для того, чтобы оправдать сведение собственно теории политической экономии к анализу равновесных (естественных) состояний и, стало быть, к незыблемым «законам производства». Соответственно, определение политической экономии как моральной науки, науки о поведении, оказывалось в значительной мере формальной данью традиции. Показательно, что такой авторитетный и в то же время нейтральный наблюдатель, как философ Иммануил Кант, не относил политическую экономию к сфере «моральных», или практических наук, считая ее наукой, основанной на «естественной причинности» (цит. по: [Murphy, 1993, p. 36]).

Итак, классическая политическая экономия была, прежде всего, теорией богатства. Она изучала экономику преимущественно «на выходе», со стороны материального *результата* производственной деятельности — общественного продукта, его структуры и динамики. Продуктовая онтология классической школы активно использовалась и в дальнейшем — в исследованиях Карла Маркса, Василия Леонтьева, Пьеро Сраффы, Луиджи Пазинетти [Курц, Сальвадори, 2004], в различных теориях роста, а также в экономической статистике. Тем не менее главные события, определившие пути развития экономической науки в последующий период, были связаны с выявлением и освоением новых сторон экономической реальности.

⁴ Примеры, которыми Милль иллюстрирует эту мысль, однозначно указывают на то, что речь идет о естественных (материальных) факторах, ограничивающих рост богатства (убывающее плодородие земли, удельный вес производительных затрат в совокупных расходах и т.д.). Ссылка на закон убывающего плодородия особенно показательна, ибо ранее — в методологическом очерке — он фигурировал как особый случай. Милль называл его «истиной, которая принадлежит по праву естественным наукам, но которую политическая экономия заимствует и включает в число своих собственных истин» [Милль, 2007, с. 998].

В ходе маржиналистской революции (70–90-е годы XIX в.) основное внимание сместилось в сферу обмена и сфокусировалось на самом *процессе* деятельности, на поведении экономических агентов, прежде всего на принятии ими решений по распределению (аллокации) и использованию ресурсов. Соответственно, различные маржиналистские школы, неоклассическая микроэкономика, включая неоинституционализм, и ряд новейших направлений макроэкономики взяли за основу *поведенческую онтологию*.

Наконец, осознание того, что поведение экономических агентов, в свою очередь, зависит от сложившихся норм и правил, стимулировало появление еще одной базовой онтологии — *институциональной*. Ее взяли на вооружение в XIX в. — историческая школа, в XX в. — традиционный институционализм и некоторые течения в рамках нового институционализма.

Каждой картине экономической реальности соответствуют своя эмпирическая база и свои методы ее изучения. Так, продуктовая онтология ориентирует на работу с макроэкономическими данными. Поведенческая онтология — это, напротив, онтология микроуровня. Она предполагает изучение актов выбора экономических агентов на основе их ожиданий, предпочтений и оценок вероятных исходов принимаемых решений. Институциональная онтология нацелена на описание исторически обусловленных стереотипов и норм поведения, организационных структур экономической деятельности, характера их эволюционных изменений.

Если одни и те же явления рассматриваются в контексте разных картин экономической реальности, они получают, как правило, альтернативные, контекстно обусловленные, толкования. Например, рыночные цены могут представляться и как соотношение трудовых затрат (производственно-продуктовая онтология), и как договор, уравнивающий спрос и предложение сторон (поведенческая онтология), и как общественная норма обмена (институциональная онтология).

Сама по себе опора на определенную онтологию не предполагает замкнутости на соответствующее предметное поле. Каждый экономист более или менее отчетливо сознает, что хозяйственные процессы складываются из действий людей, что эти действия люди соотносят с материальными и институциональными условиями среды, и что их общий результат выражается в некоторой совокупности благ, удовлетворяющих человеческие потребности. Выбор онтологии — это выбор ракурса рассмотрения объекта: что принимается в качестве предпосылок, как разграничиваются параметры и переменные и т.д.

Можно выделить три основных вектора развития онтологических представлений об экономике в постклассический период:

- краткосрочная модификация исходной преимущественно продуктовой онтологии;
- кристаллизация альтернативной поведенческой картины экономической реальности;
- попытки выдвижения специфически социальной онтологии для экономической науки.

1.3.2. Кейнсианский вектор

Установка «классиков» на изучение равновесных состояний экономики как единственно достойный предмет теоретического познания придавала новой науке весьма абстрактный характер. Внимание фокусировалось на *стационарных процессах и долгосрочных трендах*, тогда как *краткосрочные отклонения* от равновесия объявлялись результатом действия случайных или, во всяком случае, несущественных факторов. Так, приняв Закон Сэя, который, по существу, снимал проблему согласования спроса и предложения на макроуровне, лидеры классической школы (Ж.-Б. Сэй, Д. Милль, Д. Рикардо, Дж.С. Милль) вывели из сферы теоретического анализа такие явления, как денежные кризисы и кризисы перепроизводства, и тем самым отгородились от острейших практических проблем экономической политики.

Исторически наиболее ранние попытки выдвижения концепций, выходящих за эти узкие рамки, были связаны с вовлечением в экономический анализ краткосрочных факторов экономической динамики, которые с самого начала оказались тесно переплетенными с включением денег в картину экономической реальности.

Показательна судьба одной из первых попыток преодолеть смитианский канон, предпринятой в Англии в самом начале XIX в. коммерсантом и общественным деятелем Генри Торнтоном. К тому времени идеи А. Смита успели стать частью мировоззрения образованных слоев британского общества, и не только эпигоны, но и критики Смита воспринимали экономику в понятиях и образах «Богатства народов».

Одной из характерных черт этого взгляда было представление об истинной экономике как *реальной* экономике в противовес *денежной*. Обмены товаров на деньги и денег на товары понимались не иначе, как промежуточные акты, от которых в теоретическом анализе можно и нужно абстрагироваться. Реальное значение придавалось только конечному результату: обмену товара на товар при пассивной роли денег-посредника. Для Смита сами деньги были техническим средством обращения, частью реальных капитальных запасов общества (массой денежного металла в обороте). Это представление органично сочеталось с количественной теорией денег в версии Дэвида Юма, по которой изменения денежной массы затрагивали только номинальные величины и не влияли на реальные экономические процессы.

Как практик, Торнтон не мог согласиться с таким подходом и дополнил общую картину еще одним элементом. Он показал, что в экономике наряду с жестким каркасом, задаваемым объемными и структурными характеристиками общественного продукта, действует еще один значимый фактор, который прежде оставался за рамками экономического анализа. Этот фактор — доверие. В самых первых строках своей книги Торнтон подчеркнул связь этого фактора с уровнем хозяйственной активности: «в обществе, в котором законность и чувство морального долга слабы, и, следовательно, собственность не имеет надежной защиты, уровень доверия и кредита будет, разумеется, низким; не будет велик и объем торговли» [Thornton, 1802, p. 14; Торнтон, 2004, с. 448–493]. Кредитно-денежная система выступала механизмом поддержки

такого доверия. Работая на кредитном рынке, Торнтон хорошо понимал, что экономические обмены не сводятся к товарным обменам, что на практике товары и услуги нередко обмениваются на обязательства (т.е., по сути дела, обещания) будущих платежей, и что возможность таких сделок придает экономике дополнительные важные свойства.

Кредит у Торнтон — это не нейтральная и пассивная среда, через которую проходят технологически взаимосвязанные продуктовые потоки; это активный и пластичный посредник, способный быстро и чутко менять свою конфигурацию и пропускную способность вслед за изменениями в состоянии доверия. При возрастающем доверии скорость оборота платежных средств растет, и даже при неизменной их массе это вызывает эффект, соответствующий эффекту от увеличения их количества. При определенных условиях этот эффект может, по выражению Торнтон, «побуждать трудолюбие», т.е. расширять производство или торговлю, иначе говоря — быть реальным эффектом. Напротив, при снижении доверия «пропускная способность» кредитной системы может падать, подавляя экономическую активность даже при растущей денежной эмиссии.

Концепция Торнтон соединяла классический долгосрочный подход на основе макроагрегатов, характеризующих движение общественного продукта, и тогда еще совершенно новый краткосрочный подход, вводивший в картину экономической реальности массовое поведение экономических агентов. Последнее выступало фактором, объяснявшим относительную пластичность макроэкономических зависимостей и определявшим соответствующее поле маневра для регулирующей политики денежных властей. Состояние доверия в концепции Торнтон — близкий эквивалент того, что впоследствии стали называть экономическими ожиданиями, своего рода субъективной компонентой экономической деятельности, институционально закрепленной в денежной системе⁵.

Однако эти представления Торнтон не вписывались в смитианский научный канон и вскоре после смерти автора оказались практически забытыми. Господство долгосрочного подхода заблокировало их восприятие на целое столетие. Переоткрывший эти идеи уже на исходе XIX в. знаменитый шведский экономист Кнут Викасель узнал о своем предшественнике только через 20 лет после публикации собственных изысканий.

Только сдвиги в экономических системах ведущих капиталистических стран, происходившие с конца XIX в. (повсеместное утверждение института центральных банков) и в первой половине XX в. (возникновение различных форм регулируемого капитализма), закономерно привели к актуализации «линии Торнтон» в экономической теории. В конечном счете новая онтология денежной экономики с пульсирующим уровнем деловой активности по настоящему утвердилась в науке только в результате *кейнсианской революции* и выделения макроэкономики в отдельную отрасль современного экономического знания в середине XX в.

⁵ По оценке нобелевского лауреата Джона Хикса, Г. Торнтону принадлежит «лучший анализ действия кредитной системы в сравнении с тем, что было сделано кем-либо из старых экономистов. Как теория для краткосрочного периода, этот анализ может быть переписан в форме, весьма близкой к Кейнсу» [Hicks, 1967, p. 164].

1.3.3. Неоклассический вектор

Самый масштабный сдвиг в развитии экономической науки произошел в последней трети XIX в. и был связан с маржиналистской революцией. Именно в этот период образ экономики как совокупности индивидов, координирующих свои действия через рынок, стал реальным организующим началом при построении новых экономических теорий. Если раньше «невидимая рука» была именно невидимой — изучались только результаты ее функционирования, то теперь на первый план вышел вопрос том, как она действует, каковы условия достижения равновесного состояния. Внимание сместилось с *макроуровня* на *микроуровень* — на поведение первичных агентов экономического действия, их индивидуальные цели, ожидания и оценки. Соответственно, то, что прежде находилось в центре внимания — вопросы распределения общественного продукта и обеспечения экономического роста — теперь отошло в тень, стало восприниматься как свойство, присущее равновесному состоянию едва ли не по определению.

Эти перемены были закреплены знаменитым определением экономической науки Лайонела Роббинса (1932), согласно которому она «изучает человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [Роббинс, 2012, с. 96]. Это определение звучало весьма непривычно: оно фиксировало определенный ракурс человеческого поведения, вообще не связывая его с экономикой как сферой деятельности.

Правда, отвергнув стандартные «материалистические» формулировки предмета экономической науки (как науки о богатстве), Роббинс сохранил предпосылку о внешнем характере целей экономической деятельности, т.е. оставил целеполагание вне рамок науки. Под экономическим поведением подразумевалась деятельность, связанная исключительно с целереализацией: выбором и применением средств. Но совокупность средств — это и есть богатство! В этом смысле новизна формулы Роббинса касалась не столько объекта изучения, сколько именно ракурса его рассмотрения. Однако со временем из него выросла отдельная дисциплина «микроэкономика», ставшая инструментарием для анализа «экономного» (или «экономизирующего») поведения в самых разнообразных ситуациях, в том числе весьма далеких от экономики в обычном смысле этого слова. Роббинс, например, настаивал на том, что разница между производством картофеля и производством философских идей, в свете этого подхода, несущественна.

В свете новых исследовательских задач ключевым элементом экономической онтологии стали, во-первых, характеристики экономических агентов, координирующих свои действия, и, во-вторых, условия координации этих действий.

Оказалось, что теперь экономика как наука возможна только при наличии определенности в отношении типа поведения экономических агентов. Если их поведение произвольно, то экономика непредсказуема.

Начало методологической проработки этой проблемы восходит еще к Дж.С. Миллю, который полагал, что политическая экономия имеет дело

с абстракцией человеческого поведения. Человек в экономике рассматривается, по Миллю, «лишь как существо, желающее обладать богатством и способное сравнивать эффективность разных средств достижения этой цели» [Милль, 2007а, с. 1001]. Предложенная Миллем методологическая трактовка экономического человека заметно опередила свое время. По-настоящему востребованной она оказалась только в рамках неоклассического направления современной экономической мысли.

Взяв курс на строгое выведение любого экономического явления из логики рационального поведения индивидов, неоклассики не могли положиться на некий усредненный образ человека. Интересы теоретического анализа потребовали «экономического человека» с новыми, в том числе мало реалистичными и, по существу, идеальными характеристиками. Уровень когнитивных способностей и компетенции «экономического человека» предполагался предельно высоким. Экономический агент современных неоклассических теорий имеет неограниченный доступ к необходимой ему информации, способен мгновенно ее обрабатывать, без задержки оценивать обстановку, предвидеть будущие события и принимать на этой основе единственно правильные решения.

Другой ключевой элемент неоклассической картины экономической реальности — предпосылка конкурентного рынка в наиболее радикальном ее варианте — как рынка совершенной (идеальной) конкуренции. Введение этой предпосылки означает, что любой экономический агент противостоит анонимной стихии рынка в одиночку, не имея никакой возможности оказывать на нее влияние. Отношение «индивид — общество» в этом случае оказывается таким же объективным, как и отношение «индивид — дикая природа».

Таким образом, в теории поведение всех экономических агентов становится предсказуемым. Механизм конкурентного рынка перестает быть «черным ящиком» и получает четкое теоретическое описание, позволяющее логически строго выводить результаты его функционирования непосредственно из данных о наличных ресурсах и предпосылок об индивидуальном поведении.

Развитие экономической теории общего равновесия, в течение ряда десятилетий составлявшей ядро общей картины экономической реальности, привело к парадоксальному результату. Под интуицию А. Смита о «невидимой руке» был подведен сложнейший математический аппарат, с помощью которого удалось теоретически строго доказать, что общее равновесие в конкурентной экономике действительно возможно. 50-е годы XX в., когда этот результат был получен, стали звездным часом «чистой» экономической теории. Однако то же самое доказательство продемонстрировало, сколь эфемерны, далеки от реальности условия, необходимые для получения такого результата. Кроме последовательно рациональных экономических агентов и отсутствия каких-либо препятствий для конкуренции между ними, необходимым оказалось соблюдение и такого экзотического требования, как полнота рынков: в каждый данный момент времени должны существовать рынки, на которых бы согласовывались поставки всех товаров на любую дату в будущем.

С тем чтобы как-то ослабить эти крайне нереалистичные предпосылки, в жертву пришлось принести полноту общей картины. Это привело к тому, что в конце XX в. микроэкономика в значительной мере отошла от своего прежнего теоретического ядра — теории общего равновесия, т.е. попыток теоретически моделировать экономику в целом, — и распалась на множество частных теорий, описывающих отдельные рынки или иные типы экономических взаимодействий (конкурентные и монопольные, с нулевыми и ненулевыми транзакционными издержками, информационно совершенные и характеризующиеся асимметричной информацией и т.д.). На первый план вышли теории, базирующиеся на теоретико-игровых представлениях и моделирующие стратегические взаимодействия экономических агентов. Объединяет такое знание уже не общность предмета, а однотипность методов его получения.

Хотя модели общего равновесия нашли в последние десятилетия применение в макроэкономике, это было достигнуто опять-таки ценой дополнительных, заведомо нереалистичных предпосылок, существенно ограничивших степень общности соответствующих теорий.

В итоге ныне даже в рамках господствующего в современной экономической теории неоклассического направления трудно говорить о наличии единой картины экономической реальности. Скорее, современный экономист-теоретик имеет дело с мозаикой во многом сходных, но все же частных, не связанных между собой образов и фрагментов такой реальности.

1.3.4. Институциональные альтернативы

Классическая политэкономия претендовала на общезначимое (и именно в этом смысле — научное) описание экономических явлений — независимое от национальной и конкретно исторической формы, которую такие явления могли принимать. Это была наука об экономике вообще и, соответственно, о любой национальной экономике в меру ее принадлежности к данному классу явлений. Неоклассическая теория имеет аналогичные притязания, по крайней мере, по отношению к любой рыночной экономике.

При этом большинство известных экономических теорий можно назвать редукционистскими: они имеют тенденцию сводить свой предмет или к физическому продукту («богатству») «на выходе» из некоего экономического «черного ящика», или к рациональному человеческому действию как поведенческому стереотипу, запускающему этот же «черный ящик» «на входе». Внутреннее устройство, природа этого «черного ящика», т.е. собственно экономики, оставались и часто остаются на периферии внимания экономистов.

Такое положение дел издавна вызывало критику в адрес экономической науки. Первую волну такой критики инициировала немецкая историческая школа еще в середине XIX в. Оспорив идею универсальности человеческой природы, основополагающую как для классической школы, так и нарождавшегося маржинализма, ее лидеры столкнулись с необходимостью найти взамен иной фактор, объясняющий общее и повторяющееся в индивидуальном экономическом поведении. Альтернативный принцип был найден в нацио-

нальном духе, или этосе, получающем свое внешнее выражение в обычаях, а также правовых и политических институтах, формирующих, в свою очередь, и индивидуальное поведение, и организацию народного хозяйства. Лидер школы Густав фон Шмоллер пояснял, что «под политическими, правовыми и экономическими институтами мы понимаем особый... порядок общественной жизни, направленный к определенной цели и обеспечивающий устойчивые рамки для непрерывной деятельности» (цит. по: [Bortis, 1997, p. 22]).

Первый опыт теоретического рассмотрения институционального среза экономики относится к рубежу XIX–XX вв. и связан с американским институционализмом. Он отразил приверженность основоположников институционализма к прагматической философии. Подобно тому как научная истина трактовалась прагматистами как общее убеждение членов научного сообщества, так и институты понимались институционалистами как образ мыслей, совпадающий у разных людей, составляющих данную социальную общность. Согласно авторитетному среди традиционных институционалистов определению Уолтона Гамильтона, институт «обозначает образ мыслей или действия, имеющий достаточно широкое распространение и постоянство, укорененный в привычках групп людей или обычаях народа» [Hamilton, 1932, p. 84].

Это был принципиально новый для экономистов подход к пониманию экономической реальности. Он обошелся без апелляций к фикциям типа «неизменной человеческой природы» или «национального духа». Речь шла об особом типе реальности: трансиндивидуальных, или межсубъектных образцах поведения, т.е. о поведении индивидуальном и коллективном одновременно.

Институты существуют лишь в той мере, в какой они действуют, «живут», а это возможно лишь при скоординированном сосуществовании:

- *индивидуальных мыследеятельных стереотипов;*
- *коллективно разделяемых убеждений (образцов поведения);*
- *внешних предметных и организационных форм, способных эти образцы поведения поддерживать и закреплять («приводить обычай к строгой процедуре», по удачному выражению одного из лидеров институционализма Джона Коммонса).*

Как явления культуры, институты исторически специфичны и исторически «нагружены», т.е. несут в себе накопленный опыт предшествующих поколений.

Проработка институциональной онтологии в экономической науке шла по двум направлениям: ситуационно-компаративистскому и эволюционному. Первое направление, долгое время занимавшее периферийное положение в науке, возникло из задачи сравнительного исследования экономических систем, прежде всего плановых и рыночных экономик. Однако в современных условиях оно оказалось созвучным отмеченной выше общей тенденции эволюции современной микроэкономики в сторону разработки частных теорий, привязанных к разнообразным формам экономических взаимодействий.

Методологической основой этой тенденции еще на ранней стадии ее формирования заинтересовался известный философ Карл Поппер. Обобщением его наблюдений стал принцип «ситуационного анализа», или «ситуаци-

онная логика» [Поппер, 2000, с. 312]. Согласно Попперу, экономический анализ, как правило, сводится к процедуре из двух основных элементов: описания проблемной ситуации, с которой столкнулся экономический агент, и интерпретации действий агента как рациональной реакции на задачу по выходу из ситуации. При этом описание ситуации сводится к стандартным предпосылкам экономического действия: характеристике ограничений по ресурсам и институциональным ограничениям, определяющих набор допустимых правил поведения.

Как показал анализ основного корпуса современных микроэкономических теорий, его составляют главным образом так называемые «модели с одним выходом», предполагающие однозначное соответствие между параметрами экономических ситуаций и реакцией на них со стороны рациональных агентов [Langlois, Czontos, 1993]. А это означает, что главный груз объяснения результатов экономической деятельности ложится на характеристику ситуации, а не поведение агентов!⁶ Если же принять во внимание, что при описании ситуаций институциональные ограничения дают, по-видимому, больше шансов на какую-либо их систематизацию, то напрашивается во многом неожиданный вывод, что анализ институциональных структур (типичных ситуаций взаимодействия между экономическими агентами) не случайно претендует на роль ведущего направления экономической теории.

Определенным противовесом подобной перспективе дальнейшей фрагментации теоретической структуры экономической науки может служить второе направление разработки институциональной онтологии — эволюционно-историческое. Формирование этого направления восходит к идеям К. Маркса о диалектике производительных сил и производственных отношений и — в методологически более радикальной форме — к исследовательской программе лидера американских институционалистов Торстейна Веблена по преобразованию экономики в эволюционную науку [Веблен, 2006].

Свою программу Веблен противопоставлял всем современным ему экономическим теориям, будь то классическая или неоклассическая, марксистская или австрийская. Он выделил и отверг общее ядро всех этих, в других отношениях весьма различных, теорий: опору на принцип равновесия; «таксономический» характер, т.е. ориентированность на выявление общих законов и тенденций развития; предпосылки в отношении человеческого поведения.

Главным источником его вдохновения служила эволюционная концепция Чарлза Дарвина, предмет интеллектуальной моды во времена Веблена. Именно эволюционный подход был для него основой альтернативной картины экономической реальности, противовесом науке, видевшей свой предмет и задачу в изучении нормального (равновесных состояний, выровненных

⁶ Предельно заостренная формулировка этого парадокса принадлежит лауреату Нобелевской премии по экономике Герберту Саймону, сравнившему человеческое поведение с муравьиным: «В том, что касается принципов своего поведения, муравей весьма прост. Кажущаяся сложность его поведения... в основном отражает сложность внешней среды, в которой он функционирует. <...> В том, что касается принципов своего поведения, человек весьма прост. Кажущаяся сложность его поведения... в основном отражает сложность внешней среды, в которой он функционирует» [Саймон, 1972, с. 35–36].

трендов развития и т.д.). Его не удовлетворяла наука, сведенная к «обсуждению конкретных фактов жизни с точки зрения степени их приближения к нормальному случаю». Его целью была теория «кумулятивно развертывающегося процесса» [Veblen, 1900, p. 173] — такого типа процесса, траектория которого, в соответствии с исходной биологической метафорой, складывается шаг за шагом согласно правилам, которые сами могут меняться по мере развития процесса.

Это была исключительно амбициозная программа. Эволюционизм самого Дарвина оставался, по крайней мере до открытия генов, скорее философской доктриной, чем строгой научной теорией. Появление же генетики показало, что эволюционизм как научный подход способен дать не столько теорию самого процесса изменений, сколько теорию правил, направляющих такой процесс. В отличие от классической науки эволюционный подход с самого начала исходил из непредсказуемости конкретного исхода изучаемого процесса и, соответственно, ограничивал свою исследовательскую задачу выявлением механизмов, детерминирующих характер и спектр возможных его исходов. Как таковой этот подход не был, вопреки Веблену, отказом от «таксономичности (ориентации на законосообразность, «нормальность»». Скорее речь шла о смещении внимания к поиску закономерностей («нормальностей») более высоких порядков — «нормальных» правил, регулирующих соответствующие типы процессов, и даже «нормальных» механизмов отбора таких правил регулирования и, стало быть, эволюции системы этих правил.

Центральная идея Веблена состояла в том, чтобы соединить эволюционную методологию с институциональным анализом экономического развития. Он полагал, что именно институты обеспечивают преэминентность в экономических процессах, а посредством эволюции институциональной среды происходит приспособление экономики к изменениям ее материальной, прежде всего технической базы. Акцент на институты составлял главный содержательный пункт вебленовской программы.

Веблену не удалось самому реализовать свою исследовательскую программу. Понятие «экономического института» оказалось слишком расплывчатым, чтобы на нем строить убедительную теорию. Только в конце XX в. эволюционный подход получил новый импульс для своего развития.

В методологическом отношении современные версии экономического эволюционизма, как правило, опираются на представление изучаемого объекта в качестве популяции, и динамики этого объекта, соответственно, как постепенного обновления одной части элементов популяции (технологий, организационных форм, стереотипов поведения и т.д.) при сохранении других элементов, задающих общую структуру, неизменными. Иными словами, речь идет уже о популяционно-генетической картине реальности.

Важным фактором современного этапа развития эволюционной экономики стало освоение экономистами математического аппарата синергетики, который, как предполагается, открывает путь к моделированию процессов типа тех, что Веблен называл «кумулятивно развертывающимися».

В содержательном плане речь идет о попытках выделения специфических особенностей социально-экономической материи в качестве носителей

«наследственности» и источников «изменчивости». При этом механизмы изменчивости оказываются неотделимыми от активности субъектов хозяйственной деятельности, и в этом смысле проблема выходит за рамки собственно биологических аналогий, становится проблемой соотношений «генетического» и «телеологического», где «телеологическое» начало отражает не внешнее задание цели эволюции, а наличие целеполагания в самой деятельности субъектов хозяйства. Соответственно, эволюционное начало обогащается идеями австрийской школы, в частности Йозефа Шумпетера, с характерным для этой научной традиции акцентом на роль предпринимателя-новатора.

* * *

Наличие качественно разнородных картин экономической реальности — важная черта современной экономической науки. Это не проявление ее слабости, а естественная реакция на многомерный характер экономики как объекта познания, необходимая предпосылка расширения спектра теоретических поисков. По меткому наблюдению Й. Шумпетера, «экономическая наука — это не наука в том же смысле, в каком говорят об акустике как науке, скорее, это наука в том смысле, в каком таковой считается «медицина» — сгусток плохо скоординированных и пересекающихся областей знания [Шумпетер, 2001, с. 12]. Именно здесь истоки того, что термин «политическая экономия» к началу XX в. стал не столько обозначением отдельной науки, сколько общим названием для «наук об экономике». Соответственно, переход в англоязычной литературе к термину «экономикс» вместо «политической экономии» был лишь формальным отражением этих перемен.

1.4. ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Эволюция методологических стандартов в экономической теории отразила соперничество двух базовых философско-эпистемологических установок: рационализма и эмпиризма.

1.4.1. Классический период

В *классической политической экономии* ведущей методологической установкой был рационализм: предполагалось, что экономика, как и мир в целом, устроена разумно, и задача науки — познать экономические законы, лежащие в основе этого мироустройства. Для пионеров экономической науки метод был задан. Они заимствовали его из науки своего времени, будь то физика (А. Смит) или медицина (Ф. Кенэ). Исследовательская стратегия, предполагавшаяся этим *методом*, состояла в том, чтобы свести многообразие реального мира к его *существенным* чертам, системно представленным в *единой* теоретической схеме. Правда, при изучении экономических процессов в масштабе целых стран основной метод естествознания — строгий лабораторный эксперимент — был недоступен. На первый план вышел логический метод, а важнейшим достижением классической школы стало формирование

системы базовых научных абстракций — категорий политической экономии, выражавших структуру и функции экономической системы. Осуществить эту программу удалось Д. Рикардо: именно он первым выстроил идеальный объект — систему «чистой теории», которая высвободила экономическую науку из плена эмпирико-рассудочного знания, обычно не выходившего за рамки здравого смысла. На основе этой системы категорий формулировались законы политической экономии и гипотезы о перспективах общественного развития, осмысливались факты и тенденции хозяйственной жизни.

Впрочем, ключевой вопрос об адекватности заимствуемого метода условиям этой новой области его применения вплоть до середины XIX в. не был даже поставлен. Упор на логический метод отвлекал внимание от многих практических проблем, не получавших объяснения на базе принятых теоретических предпосылок. Это стимулировало появление сначала внутренней (Т. Мальтус, Р. Джонс), а затем, в середине XIX в., внешней (историческая школа) критики в адрес методологии Рикардо.

Ответом на эту критику внутри классической школы стала методологическая доктрина Дж.С. Милля, разграничившая *науку* и *искусство* политической экономии. Милль полагал, что эмпирические законы подлежат объяснению «конечными причинами», а применительно к политической экономии — законами человеческой природы. Но даже знание таких истин он признавал недостаточным для решения практических проблем. Наряду с наукой как «*собранием истин*», Милль выделял еще и искусство как «*набор правил поведения*» [Милль, 2007а, с. 990; перевод уточнен. — О. А.].

Наука политической экономии квалифицировалась как «абстрактная». Ее единственно возможным методом называлась «абстрактная спекуляция», а наилучшим результатом — «абстрактная истина». Абстрактность политической экономии как науки проистекала из того, что она ограничивалась только *главными причинами* хозяйственных процессов, абстрагируясь от второстепенных. Соответственно, законы политической экономии Милль определял как *законы-тенденции*.

В отношении искусства политической экономии подобное абстрагирование Милль считал невозможным: «когда речь идет о применении принципов политической экономии в конкретном случае, необходимо принимать во внимание все индивидуальные обстоятельства этого случая» [Там же, с. 1011].

1.4.2. Историческая школа и Карл Маркс

С позиций исторической школы разъяснения Дж.С. Милля были явно не достаточными. Отталкиваясь от неоднородности геоклиматических и социокультурных условий хозяйственной деятельности по странам и эпохам, ее лидеры (Бруно Гильдебранд, Карл Книс, позднее — Густав фон Шмоллер) поставили под сомнение саму идею универсальных, не зависящих от места и времени экономических законов. Экономическая наука была переосмыслена как последовательно эмпирическая, преимущественно дескриптивная (описательная) отрасль знания, нацеленная на сбор фактов, изучение конкретного

опыта хозяйствования в его историко-культурном разнообразии, выявление исторических аналогий и эмпирических зависимостей. Идеи исторической школы дали импульс формированию национальных систем статистики, а также выделению экономической истории в отдельную научную дисциплину. В то же время преимущественно описательная установка исторической школы противостояла общепринятым стандартам научности и делала ее уязвимой в глазах широкой научной общественности.

К. Маркс был, по-видимому, первым, кто отреагировал на ключевую проблему, намеченную исторической школой. Он предложил способ сочетания теоретического задела классической школы с принципом историзма. Его решение включало два главных момента. Во-первых, Маркс свел разнообразие институтов в пространстве к их разнообразию (изменчивости) во времени. Если исторический процесс — это естественно-исторический процесс, т.е. он следует некоторым естественным закономерностям, то институциональное разнообразие экономических систем национальных государств — это не что иное, как проявление неравномерности прохождения этими странами одних и тех же фаз универсального в своих основных чертах процесса исторического развития. «Страна, промышленно более развитая, — писал Маркс, — показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [Маркс, 1960, с. 9].

Во-вторых, Маркс с помощью принципа историзма ограничил степень общности экономического знания: экономические законы не всеобщи, но они реальны и действуют на протяжении отдельных фаз исторического процесса, соответствующих периодам господства отдельных общественно-экономических формаций. Как следствие из этого подхода, классическая политэкономия переосмысливалась как политэкономия в узком смысле слова, относящаяся только к капитализму.

Соответственно, марксисты предполагали, что наряду с политэкономией капитализма возникнут аналогичные теории других способов производства (например, политэкономия феодализма), которые вместе составят политическую экономию в широком смысле слова.

В своем главном экономическом сочинении — «Капитале» — Маркс решал необычную научную задачу: выстраивал теорию капитализма как *развивающегося объекта*. Стандартные логические средства были недостаточны для ее решения, и Маркс опирался в своем исследовании на идеи гегелевской диалектики. Впоследствии метод, примененный Марксом в «Капитале», стал объектом глубоких исследований многих отечественных — А.А. Зиновьев [Зиновьев, 2002], Э.В. Ильенков [Ильенков, 1997], В.П. Шкредов [Шкредов, 1987], А.К. Покрытан и др. — и зарубежных (М. Добб, Л. Альтюссер, К. Артур и др.) авторов, которые заслуживают специального рассмотрения.

В сжатом виде метод Маркса можно охарактеризовать как построение системы «встроенных» одна в другую теоретических моделей разного уровня общности и анализ этих моделей в целях выявления не только внутренней логики их функционирования, воспроизводящей относительно устойчивые связи и закономерности в объекте (что характеризует любую теоретическую модель), но также их внутренние противоречия. Последние рассматриваются

как источники возможного роста и усложнения системы или, наоборот, наиболее вероятные угрозы для ее нормального функционирования. Основанием для увязки теоретических моделей между собой служит онтологическая схема генетического развития (самопорождения) системы — основа принципа восхождения от абстрактного к конкретному. Противоречия системы, как правило, выступают в форме классовых антагонизмов, в основании которых лежат закономерности и тенденции движения материального субстрата экономических процессов (динамика производственных пропорций, затрат, технических условий и т.д.). Общая картина развивающегося объекта возникает в результате наложения факторов динамики на модели функционирования системы. Еще одна характерная особенность диалектического мира Маркса — взаимосвязь объекта и субъекта познавательной деятельности. Познавание закономерностей объекта и практическая деятельность людей, этим знанием вооруженная, не отделены от объективной диалектики объекта. Напротив, они выступают ее неотъемлемой составляющей.

1.4.3. «Спор о методе»

Радикальным ответом на методологический вызов исторической школы стала *маржиналистская революция* последней трети XIX в. Восстанавливая в правах приоритет рационализма и утверждая универсальность экономико-теоретического знания, первые теоретики маржинализма (Карл Менгер, Уильям Джевонс) опирались на идею универсальности «природы человека» и, соответственно, принципов экономического действия. Эти принципы, в силу их всеобщности и простоты (максимизация выгоды, минимизация издержек и т.п.), считались самоочевидными, не требующими иных эмпирических подтверждений, кроме собственного опыта каждого человека (принцип интроспекции, или самоанализа). Перед наукой ставилась задача логического выведения из этих принципов (постулатов) универсальных законов экономического поведения и взаимодействия. В результате экономическая наука стала перестраиваться в науку об экономическом поведении, а позже — в науку выбора оптимальных решений об использовании ограниченных ресурсов.

Еще один лидер маржиналистской революции Леон Вальрас настаивал на сходстве «чистой политической экономии» с физико-математической наукой, подчеркивая, что «математические науки... строят *a priori* конструкции своих теорем и их доказательств», а затем «...обращаются к опыту, но не для того, чтобы подтвердить, а чтобы применить свои выводы» [Вальрас, 2000, с. 23].

Конец XIX в. был отмечен ожесточенным «спором о методе», главными действующими лицами в котором выступили К. Менгер, глава австрийской школы, один из лидеров маржинализма, и Г. Шмоллер, лидер новой исторической школы. Он был спровоцирован выступлением исторической школы против того типа экономической теории, при котором логика научных абстракций воспринималась как логика самой экономической жизни — позже подобная подмена получила наименование «*рикардианского порока*» (Шумпетер). В противовес стратегии на сведение реальности к ее существенным

чертам историческая школа предложила снизить сами научные амбиции экономистов, «смягчив» и ограничив познавательную задачу политической экономии до описания и толкования фактов. Шмоллер выступал за главенство исторического, индуктивного метода и нормативный (т.е. оценивающий и предписывающий) характер экономической науки, неустранимость в ней этической составляющей. Отказ лидеров исторической школы от выработки универсального экономического знания открыл путь к массовому производству нестрогого описательного знания, которое для практики оказалось не более полезным, чем абстрактные теории.

К. Менгер решительно отверг подобную стратегию, поскольку, по его мнению, такое «направление теоретического исследования принципиально исключает возможность достижения строгих (точных) теоретических познаний во всех областях мира явлений» [Менгер, 2005а, с. 322]. Согласно Менгеру, точная наука — это сущностное знание, недоступное исследователю-эмпирику.

Хотя по своему содержанию теории Менгера и «классиков» были существенно различными, в методологическом отношении между ними было много общего. Менгер оказался преемником Рикардо в отстаивании приоритета логического, дедуктивного метода и позитивного, т.е. независимого от политических, этических и иных ценностных суждений, характера экономического знания.

В «споре о методе» не было явного победителя, но он обнажил слабые стороны в позициях оппонентов. Наиболее авторитетным подведением итогов этого спора стала монография Джона Невилла Кейнса «Предмет и метод политической экономии» (1890), которая на десятилетия вперед определила моду на компромиссно-перечислительное изложение метода экономической науки.

Более важным результатом было то, что «спор о методе» послужил катализатором выдвижения принципиально новых подходов к изучению экономики. Среди них были упомянутая выше эволюционистская исследовательская программа Т. Веблена; эмпирическая экономико-статистическая программа, нацеленная на поиск эмпирических закономерностей методами статистического анализа данных (Уэсли К. Митчелл — в США, Александр А. Чупров и Николай Кондратьев — в России); методология познания социально-экономических явлений Макса Вебера и другие направления. Именно этим временем можно датировать начало современной эпохи в развитии экономической науки и экономической методологии.

Но если все же попытаться определить настоящего победителя в «споре о методе», то наилучший кандидат на такую роль — Альфред Маршалл, первый лидер будущего неоклассического «мейнстрима», главного течения экономической мысли XX в. Подъем и международное признание этого нового течения было прямым следствием падающего авторитета обеих научных школ — главных фигурантов «спора о методе».

В своих «Принципах экономической науки» Маршалл непосредственно отвечает на вызов «спора о методе». Хотя его ответ не свободен от компромиссных предостережений против крайностей, будь то «факты без теории»

или «теория без фактов», ядро его аргументации содержательно и последовательно. Это не что иное, как очерк принципиально новой для экономической науки исследовательской стратегии. С философской точки зрения методологическая доктрина Маршалла стала наиболее влиятельным проводником позитивистских тенденций в экономической науке.

Ясно осознавая ограниченные возможности всякого обобщающего знания в сфере, где «никакие два экономических события не являются во всех аспектах полностью идентичными» [Маршалл, 2007, с. 727], Маршалл сделал еще один шаг в сторону снижения уровня притязаний теории в сфере экономического познания. Теория, по его выражению, «это не совокупность конкретных истин, а мотор, предназначенный для того, чтобы открывать такие истины» [Marshall, 1956, p. 159]. Иначе говоря, теория — это не само знание об объекте, а лишь способ его получения, инструмент познания. Корпус *теоретического* знания Маршалл — вслед за Фрэнсисом Бэконом — называл *органоном*, с той существенной разницей, что у Бэкона речь шла о чисто логических методах, а *экономический органон* Маршалла включал арсенал методов конкретно научного исследования. Маршалл даже сравнивал научную теорию с машиной в фабричном производстве: получалось, что теория нужна там и постольку, где и поскольку есть рутинная научная работа, допускающая «механизацию».

Субстантивные, собственно содержательные исследования (не связанные с разработкой инструментария), выступали как исследования, основанные на применении «заготовленного» инструментария. Они были призваны «проливать свет на практические вопросы», т.е. быть тем, что сегодня принято называть прикладными исследованиями.

Фактически Маршалл разделил экономическую науку на фундаментальную и прикладную, отождествив фундаментальную компоненту с разработкой аналитического инструментария. В этой структуре не нашлось места для фундаментальных исследований другого типа — ориентированных на формирование общей онтологической картины экономики, на сущностное осмысление новых явлений и фактов. И не случайно: Маршалл явно не доверял таким построениям. Урок естествознания он видел в том, что «физические науки претерпевали медленное развитие до тех пор, пока выдающийся, но нетерпеливый гений греков настойчиво искал единую основу для объяснения всех физических явлений, а быстрый прогресс этих наук в современную эпоху происходит благодаря разделению широких проблем на их составные части» [Маршалл, 2007, с. 722]. Свою исследовательскую стратегию он пояснял образом «цепочек логического вывода»: «Функция анализа и дедукции в экономической науке состоит не в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, а в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных соединительных звеньев» [Там же, с. 725].

Маршалл адресовался не столько к *экономической науке*, сколько к *науке* в экономическом познании. Последняя и складывается из множества «коротких цепочек точного, твердо установленного знания, или частных теорий. Этот взгляд нашел классическое выражение в знаменитой метафоре Джоан Робинсон, назвавшей экономическую теорию «*ящиком с инструментами*»

[Робинсон, 1980, с. 37]. Как выбрать нужный инструмент из такого «ящика»? В маршаллианской экономике такой выбор вообще не относится к компетенции науки: ответственность науки не идет дальше рутинных аспектов экономического поведения, в то время как наиболее сложные вопросы, возникающие в хозяйственной жизни, остаются в сфере компетенции здравого смысла.

С утверждением теории Маршалла в качестве «мейнстрима» экономической науки XX в. развитие последней пошло по его сценарию. Быстро углублялась дифференциация и фрагментация экономических знаний. С начала XX в. при активной роли самого Маршалла резко ускорился процесс институционализации экономической науки: создавались университетские кафедры, началась и быстро расширялась специализированная подготовка студентов, учреждались научные журналы и исследовательские центры.

Заложенная Маршаллом кембриджская традиция получила развитие в методологической доктрине крупнейшего экономиста XX в. Джона Мейнарда Кейнса. Следуя за Маршаллом, он называл экономическую теорию «ветвью логики». Он не верил в продуктивность попыток строить ее по образу естественных наук. Методологическое кредо Кейнса наиболее четко выражено в его письме к Рою Харроду (1938):

Экономика — это наука мышления в терминах моделей в сочетании с искусством выбирать модели, релевантные в современном мире... Цель модели — отделить действующие относительно долго или относительно неизменные факторы от преходящих или колеблющихся, чтобы разработать логический способ размышления о последних и понимать процессы, которые они порождают в конкретных случаях... Хорошие экономисты редки, поскольку дар использовать «бдительное наблюдение» для выбора хороших моделей, хотя и не требует высокоспециализированных интеллектуальных навыков, оказывается весьма редким (цит. по: [Блауг, 2004, с. 146]).

1.4.4. Влияние неопозитивизма

Начиная с 30-х гг. XX в. в экономическую науку проникают новые методологические установки, основанные на идеях *неопозитивизма* и *попперианства*. Внимание сфокусировалось на проблеме *демаркации*, или — иными словами — отграничения научного знания от знания ненаучного. Научным стало признаваться только эмпирически проверяемое знание; к теории стали относиться скорее инструментально — как к эвристическому средству получения новых эмпирических обобщений. В своем стремлении обеспечить достоверность знания неопозитивизм выделил три основных условия научности: для «чистой теории» — логическую строгость; для *эмпирического знания* — надежное (проверяемое) соответствие данным опыта; для конкретной научной дисциплины — наличие четких правил «перевода» с языка теории на язык наблюдения, и наоборот. Последнее условие оказалось особенно жестким для экономической науки. В результате наличие разных критериев научности для разных компонентов знания даже в рамках неоклассического

«мейнстрима» дало толчок к усилению разрыва между теоретическим и эмпирическим знанием.

Одним полюсом притяжения стала «чистая теория», эпистемологически опирающаяся на рационализм в его различных проявлениях, другим — прагматический сектор науки, а также *эконометрика* — область исследований, в наибольшей мере отвечающая методологическим нормам эмпирицизма.

Традиционными для экономической теории были умеренно рационалистические установки, восходящие к методологии Дж.С. Милля. Настаивая на том, что теория должна пользоваться абстрактным методом, Милль и его последователи в XX в. (Фрэнк Найт, Лайонел Роббинс) были тем не менее «эмпирическими априористами» (Йоп Клант), т.е. полагали, что исходные теоретические постулаты суть элементарные обобщения опыта⁷.

Оплотом рационалистических установок в экономической науке середины XX в. была вальрасианская ветвь неоклассического «мейнстрима». Именно в ее рамках в период 1930–1950-х годов произошел переход экономической теории на язык математики и к методологическим стандартам формализованного знания. Главным средством анализа стало построение математических моделей, а главным критерием их научности — логическая строгость выводов. Образцовым воплощением нового типа теоретизирования послужила работа Пола Самуэльсона «Основания экономического анализа» (1947) [Самуэльсон, 2003]. В качестве своего методологического кредо Самуэльсон провозгласил «выведение операционально значимых теорем», уточнив, что под операциональностью он подразумевает их эмпирическую проверяемость, или требование, чтобы они были выражены в такой форме, которая хотя бы в принципе допускала возможность их опровержения⁸. Такая установка не противоречила позитивистским идеалам научности, но отдавала явное предпочтение теоретической работе ученого, пусть и с оговоркой относительно формы представления результатов.

Курс на формализацию экономической теории усиливался процессами в самой математике. Если для Вальраса его математическая модель общего равновесия была выражением сущностных черт рыночной экономики, то в 40–50-е годы XX в. теория общего равновесия переосмысливается (Жерар Дебрё и др.) в свете тогдашней математической моды как чисто формальная математическая конструкция, теоретические достоинства которой не зависят от ее возможных эмпирических интерпретаций. Эта тенденция, распростра-

⁷ В этом «эмпирические априористы» отличались от «рационалистического априориста» Людвиг фон Мизеса — единственного известного экономиста, отрицавшего необходимость какой-либо верификации предпосылок экономической теории и полагавшего постулаты рационального поведения синтетическими априори [Klant, 1994, p. 69, 75].

⁸ Характерным воплощением этой установки служит теория выявленных предпочтений Самуэльсона, с помощью которой он стремился избавить экономическую теорию от ненаблюдаемых сущностей, таких как полезности и субъективные потребительские предпочтения. Взамен он предлагал ограничить анализ операциональными сравнениями стоимостных величин, которые потребители затрачивают на покупку разных товаров. Эта информация при рациональном поведении потребителей делает их субъективные предпочтения эмпирически наблюдаемыми, выявляет их.

нившаяся и на другие разделы теории (например, основанные на теоретико-игровых моделях), фактически отгородила «чистую теорию» от методологического диктата неопозитивизма, но одновременно дала повод для интерпретации такой теории в качестве отрасли прикладной математики.

Одновременно в рамках неоклассического «мейнстрима» действовала инструменталистская тенденция к ограничению самостоятельного значения теоретических моделей вообще. Теории практически уравнивались с рабочими гипотезами, ценными лишь постольку, поскольку они содействуют получению тех или иных эмпирических результатов. Методологическим манифестом этого направления послужила известная работа Милтона Фридмена «Методология позитивной экономической науки» (1953) [Фридмен, 2012], провозгласившая, что качество теоретических моделей не зависит от реалистичности предпосылок, положенных в ее основу, и всецело определяется способностью теории давать достаточно точные предвидения.

Поводом для обращения Фридмена к методологии были дискуссии вокруг принципа максимизации прибыли как стандартной предпосылки микроэкономической теории. В полном соответствии с требованиями научности в конце 1930-х и в 1940-х годах были проведены эмпирические исследования поведения фирм, призванные проверить надежность общепринятой теории. Результаты показали, что реальное поведение существенно отличается от того, как его представляют себе экономисты. Это поставило под удар все здание неоклассической теории.

Выступление Фридмена было ответом на эту критику. Линию своей обороны он строил на том, что требование реалистичности предпосылок теории заведомо невыполнимо: никакая теория не может претендовать на полное описание действительности. Хорошая научная гипотеза, напротив, должна быть экономной в средствах. Отсюда следовал самый знаменитый его вывод: «В общем плане, чем более важной является теория, тем более нереалистичны... ее предпосылки» [Там же, с. 188]. Статья Фридмена отразила реальные проблемы профессионального ремесла экономиста, и это обеспечило ей широкий резонанс в научном сообществе. Парадоксы Фридмена были основаны на важных интуициях, хотя порой страдали нечеткостью формулировок и логическими подменами⁹. Это стимулировало более тщательную проработку вопроса о предпосылках теории, их разновидностях, эвристических функциях, а также применимости основного тезиса в теории фирмы.

Методологические дискуссии между Самуэльсоном и Фридменом не привели к изменению общей ситуации: размежевание неоклассического «мейнстрима» на рационалистов и эмпириков сохранялось и послужило одним из катализаторов обострения методологических споров в мировой экономической науке в последней четверти XX в.

⁹ Так, нереалистичность гипотезы — условие как минимум недостаточное для ее эвристической значимости. Скажем, гипотеза максимизации убытков как целевой функции фирмы была бы куда более нереалистичной, чем общепринятая, но вопреки критерию Фридмена вряд ли имела бы шанс оказаться более важной [Maki, 2003, p. 498].

Начиная с 60-х годов XX в. тенденция к «массовому производству» частных теоретических моделей получила новое ускорение. После ослабления интереса к прежнему научному лидеру — теории общего экономического равновесия — едва ли не главным направлением микроэкономического анализа стали исследования экономического поведения в разнообразных условиях: информационных и институциональных. Их цель — выявление взаимосвязей и закономерностей в экономических явлениях, справедливые «при прочих равных условиях», т.е. установленные для определенного набора условий (например, для отраслей или фирм с определенного типа производственной функцией или для товаров с определенным типом эластичности спроса по цене и т.д.). Такие знания применимы постольку, поскольку реальные условия соответствуют условиям и предпосылкам, для которых эти результаты получены. Они фрагментарны по своей природе. Их взаимная общность обусловлена методами генерирования и не гарантирует согласованности в контексте использования. Если применимость таких знаний обусловлена достаточно редкими или уникальными обстоятельствами, то значимость теоретических обобщений может мало отличаться от значимости простого описания исторического опыта.

Совместное действие тенденций к обособлению теоретико-инструментальной деятельности и расширению фронта частных теоретических разработок привело к своеобразному «переворачиванию» отношений между фундаментальной и прикладной наукой. Многие идеи и методы, определившие направление развития экономической науки во второй половине XX в., родились в междисциплинарных коллективах масштабных прикладных проектов (военных, космических и т.п.) и были выдвинуты неэкономистами Джоном фон Нейманом, Гербертом Саймоном, Джоном Нэшем и др. [Mirowski, 2001]. Эти исследования действительно были прикладными в том смысле, что они не были направлены на открытие и осмысление новых экономических явлений. В то же время их трудно назвать прикладными в смысле приложения ранее полученных теоретических результатов к решению практических проблем. Скорее наоборот: решение прикладных задач стимулировало «импорт» новых аналитических средств из других дисциплин, и — в ряде случаев — этот инструментарий становился основой новых направлений экономической теории.

Модель развития современной экономической науки, ориентированная на «импорт» теоретического инструментария из других наук, прежде всего — математики, оказалась во многих отношениях весьма успешной. Авторитет в научных и политических кругах, устойчивый спрос и достаточно емкая ниша на рынке интеллектуальных услуг — характерные проявления общественного статуса экономиста во многих странах. Однако эти успехи имели и свою цену. «Большие теории», отвечавшие на вопросы типа «куда идет экономика и/или общество?» и составлявшие главное содержание экономической науки XIX в., не просто ушли на второй план — для большинства современных экономистов они вообще выпали из поля зрения и сферы их профессиональной ответственности. Экономическая наука потеряла экономику как свой предмет, измельчала тематически, стала, по выражению голландского методолога Й. Кланта, «аспектной» наукой [Klant, 1994, p. 32].

1.4.5. От метода к методологии

Это не могло остаться незамеченным в научном сообществе. В те же 80-е годы XX в. в мировой экономической науке начался методологический бум, который продолжается до сих пор. Поток публикаций по методологическим и философским проблемам экономического познания исчисляется десятками монографий и сотнями научных статей в год. Результатом этой интеллектуальной активности стало формирование экономической методологии как специализированной области исследований, возникновение соответствующего международного научного сообщества. Оно объединило экономистов (Марк Блауг, Роджер Бэкхауз, Кевин Гувер, Брюс Колдуэлл, Томас Майер, Дейдра МакКлоски, Уоррен Сэмюэлс и др.), философов (Ускали Мяки, Александр Розенберг, Дэниел Хаусман и др.), методологов науки (Нэнси Картрайт), даже лингвистов в общем стремлении осмыслить предпосылки, тенденции, проблемы и перспективы развития экономической науки, повысить тем самым уровень профессионального самосознания экономистов, содействовать более адекватному восприятию экономических идей.

Важным признаком и одновременно фактором консолидации нового научного сообщества служит появление специализированных научных журналов — *Economics and Philosophy* («Экономика и философия», выходит с 1985 г.) и *Journal of Economic Methodology* («Журнал экономической методологии», выходит с 1994 г.), тематических антологий, учебных пособий¹⁰.

Рост количества публикаций по экономической методологии — лишь внешнее выражение процесса качественной трансформации данной области исследований: ее границ, тематики, целевых установок. Направления такой трансформации можно суммировать следующим образом:

¹⁰ См., напр., энциклопедическое «Руководство по экономической методологии» — *Handbook of Economic Methodology* / J. Davies, W. Hands, U. Mäki (eds). Cheltenham: Edward Elgar, 1998; компендиумы тематических обзоров: *Elgar Companion to Economics and Philosophy* / J. Davis, A. Marciano, J. Runde (eds). Cheltenham: Edward Elgar, 2004; *Foundations of Positive and Normative Economics. A Handbook* / A. Caplin, A. Schotter (eds). Oxford: Oxford University Press, 2008; *Oxford Handbook of Philosophy of Economics* / D. Ross, H. Kincaid (eds). Oxford: Oxford University Press, 2009; *Elgar Companion to Recent Economic Methodology* / J. Davis, W. Hands (eds). Cheltenham: Edward Elgar, 2011; *Philosophy of Economics* / U. Mäki (ed.). Amsterdam: North Holland, 2012; *Modern Guide to Philosophy of Economics* / H. Kincaid, D. Ross (eds). Cheltenham: Edward Elgar, 2021; *Routledge Handbook of Philosophy of Economics* / C. Heilmann, J. Reiss (eds). New York; London: Routledge, 2022; трехтомная антология: *The Philosophy and Methodology of Economics. Vols 1–3* / B. Caldwell (ed.). Aldershot: Edward Elgar, 1993; учебные пособия: *Blaug M. The Methodology of Economics, or How Economists Explain*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980, 1992 (рус. пер.: *Блауг М. Методология экономической науки*. М., 2004); *Mouchot C. Methodologie Economique*. Paris: Hachette, 1996; *Hands W. Reflection without Rules. Economic Methodology and Contemporary Science Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; *Boumans M., Davis J.B. Economic Methodology*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010; *Reiss J. Philosophy of Economics: Contemporary Introduction*. New York; London: Routledge, 2013; *Maas H. Economic Methodology: Historical Introduction*. London; New York: Routledge, 2014.

1. Методология из преимущественно нормативной (предписывающей, какие исследования считать научными, какие методы — надежными, а результаты — достоверными) стала преимущественно дескриптивной и позитивной. Ныне она стремится описывать и осмысливать фактически сложившиеся структуры экономического знания, тенденции его эволюции, практику научной деятельности.
2. Радикально расширилось предметное поле экономической методологии, охватившее ныне широкий спектр не только собственно методологических, но и философских проблем экономической науки. Это уже не только теория метода, фокусирующая внимание на инструментальной стороне научной деятельности — экономическая методология включила в круг своих интересов сначала эпистемологическую проблематику (анализ экономического знания и познания), а затем и онтологическую, связанную с метанаучными (философскими, этическими, идеологическими и т.д.) представлениями о самой экономической реальности.
3. Наконец, с течением времени изменилось само восприятие экономической науки как объекта методологического анализа. Образ науки как единого «древа знания», формирующего свои новые ветви-направления на твердом стволе — основании ранее освоенных истин, постепенно уступал место новым представлениям, рисующим мир экономической науки плюралистичным, а само знание — ограниченным и фрагментарным. Подобная трансформация в области экономической методологии отразила масштабные тенденции, определявшие в странах Запада интеллектуальный климат последней трети XX в.

1.5. ЭКОНОМИКА И ЭТИКА

Вопрос о соотношении экономики и этики — одна из давних проблем философии экономики. В конце XIX в. она была предметом особенно острых дискуссий. Г. Шмоллер и другие представители исторической школы экономики рассматривали экономику как часть культуры народа, полагая, что в основании экономических явлений лежат этические нормы, от обсуждения которых наука не может и не должна уходить. Их главный оппонент К. Менгер, не отрицая принадлежность экономики «этическому миру», настаивал на том, что и в этой области возможно точное, не зависящее от мнений людей, знание, что его характер и достоверность не должны отличаться от точного естественно-научного знания.

Пытаясь примирить противоборствующие стороны, Д.Н. Кейнс предложил решить проблему соотношения экономики и этики путем уточнения классификации экономического знания. Деление политической экономии на науку и искусство (Дж.С. Милль) он дополнил делением самой экономической науки на две части: *позитивную* («совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что есть») и *нормативную* («совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что должно быть, и потому имеющих своим предметом идеальное, как нечто отличное от действитель-

ности»). В то время как позитивная экономическая наука занята «*поиском закономерностей (uniformities)*», а нормативная наука — «*определением идеалов*», искусство экономики отвечает за «*формулировку предписаний*» [Кейнс, 1899, с. 27–28]¹¹.

1.5.1. Этика экономики

Точка зрения, что позитивная экономическая теория описывает существенные черты того, что есть, и потому не зависит от ценностей, вскоре завоевала популярность среди экономистов. Более того, она стала нормой, и на ее основании была подвергнута критике утилитаристская идея, взятая на вооружение экономико-политической доктриной маржинализма (особенно британского)¹². В соответствии с последней дополнительная единица дохода богачу приносит меньше полезности, чем такая же единица дохода бедняку. Из этой доктрины прямо следовало, что меры государственной политики по смягчению неравенства в доходах увеличивают суммарную общественную полезность. На первый взгляд может показаться, что такой вывод — прямое следствие принципа предельной полезности, утверждающего, что с ростом количества данного блага (или дохода) в распоряжении отдельного индивида полезность для него от каждой дополнительной единицы этого блага падает. Критики обратили внимание на то, что принцип предельной полезности относится к каждому индивиду в отдельности, тогда как утилитаризм распространяет его на межличностные сравнения полезностей. Такую процедуру невозможно проверить эмпирически и, соответственно, нельзя считать научной [Роббинс, 2012, с. 116–117]. Допущение, что полезности разных людей соизмеримы, имеет нормативный, ценностный характер.

Взамен, в качестве ценностно нейтрального критерия выбора наилучших экономических решений, был выдвинут знаменитый критерий Парето-улучшений, согласно которому одно состояние лучше другого только при условии, что оно лучше хотя бы для одного члена общества (по его индивидуальной шкале предпочтений) и ни для кого из членов общества не хуже (по их индивидуальным шкалам предпочтений). Критерий Парето определяется на модели общего экономического равновесия для совершенно конкурентной экономики. Фактически он ранжирует состояния экономической системы по степени их приближения к состоянию равновесия. Межличностных сопоставлений полезностей для этого и в самом деле не требуется.

¹¹ Согласно Д.Н. Кейнсу: «Возможность изучать экономические закономерности, не вводя нравственной оценки явлений и не формулируя практических предписаний, представляется настолько ясной без доказательств, — если только вопрос с самого начала поставлен правильно, — что трудно по этому поводу сказать что-либо, что не было бы общим местом [Кейнс, 1899, с. 31].

¹² Доктрина утилитаризма восходит к концепции «арифметики счастья» Иеремии Бентама (1780), который поставил задачу совершенствования законодательства в интересах «наибольшего счастья наибольшего числа людей». Для этого Бентам предлагал ввести определенные правила подсчета полезности, с помощью которых можно было бы количественно оценить воздействие любых мер социально-экономической политики государства на всех граждан страны [Бентам, 1998].

Но следует ли отсюда, что критерий Парето сделал оценки экономистов вполне объективными, избавил их от этической «нагруженности»? И «да», и «нет»! Проблема в том, что точкой отсчета при использовании этого критерия служит сложившееся на данный момент распределение ресурсов между членами общества. Экономическая теория благосостояния, частью которой является критерий Парето, устанавливает, что при заданных предпосылках каждому исходному распределению ресурсов соответствует состояние равновесия, и это состояние Парето-оптимально, т.е. при его достижении никакие Парето-улучшения уже невозможны. Но та же теория благосостояния утверждает, что Парето-оптимальное состояние не единственно и что, в частности, свои Парето-оптимумы должны иметь и система с уравнительным распределением ресурсов, и система, в которой первоначальное распределение ресурсов в высшей степени поляризовано.

Таким образом, критерий Парето сам по себе — как инструмент сравнения состояний системы в интервале от исходно заданного до равновесного — этически нейтрален. Иначе обстоит дело с применением этого критерия в конкретных условиях. Тот, кто использует принцип Парето-улучшений, должен отдавать себе отчет в том, что тем самым неявно он выражает согласие с исходным распределением ресурсов в качестве отправной точки анализа. Такое согласие (или, соответственно, несогласие) и есть акт этического выбора, основанный на определенных ценностных установках.

В этом отношении обращение к принципу Парето-улучшений как критерию оценки экономических изменений не освобождает экономиста от бремени этического выбора. Ценность критерия лишь в том, что он более четко очерчивает область такого выбора. Именно дискуссии вокруг теории Парето-оптимальности позволили лучше осознать этическую природу утилитаристской доктрины межличностных сопоставлений с ее возможными уравнительными выводами, равно как и консервативную ценностную установку, скрытую в доктрине Парето-улучшений. Это стимулировало поиск новых подходов к этическим основаниям распределительной политики, среди которых особый интерес для экономистов представляет теория справедливости американского философа Джона Ролза (1996).

Теория Ролза — яркий пример нормативной концепции. Но в ней тесно взаимосвязаны этические и экономические аргументы. Ролз апеллирует к ценностям, понятным человеку современного западного общества, и стремится выработать на их основе такие принципы общественного устройства, которые бы разрешили вечную проблему сочетания социальной справедливости и экономической эффективности.

Первое условие справедливого общества, по Ролзу, — равное право каждого на свободу, совместимое с таким же правом для других. Вместе с тем Ролз исходит из того, что полностью устранить социальное неравенство между людьми невозможно, и разделяет мнение, что уравниловка подрывает стимулы к активной и эффективной деятельности.

В поисках разумного ценностного компромисса Ролз предлагает взглянуть на проблему с необычной гипотетической точки зрения, которую он называет «начальной позицией». Это позиция человека, которому не дано

знать его предстоящую жизнь (она скрыта «завесой неведения»), но дано определить тип общества, в котором эту жизнь предстоит прожить. В этой позиции все равны в своем незнании будущего, и это дает возможность каждому быть одинаково рациональным и взаимно бескорыстным. Тем самым открывается путь к соглашению о принципах свободного и справедливого общества.

Согласно Ролзу, в такой ситуации каждый рациональный человек, со-знающий, что он не защищен от угрозы оказаться на дне жизни, предпочтет снизить до минимума тяготы подобной судьбы и выскажется за такое социальное устройство, которое предусматривает максимально возможную поддержку для обездоленных. Так, Ролз подходит к принципу, который стали называть принципом ролзианской справедливости. В соответствии с этим принципом допустимым считается только такое неравенство, которое «максимизирует минимум», т.е. тот уровень доступности основных благ, который обеспечивается наиболее обездоленной части общества. По критерию Ролза, несправедливым окажется не только общество, где улучшение положения сильных членов общества не ведет одновременно к улучшению положения слабых. Той же оценки заслуживает и общество, где неравенство компенсируется в такой мере, что подрываются стимулы сильных членов общества к активной деятельности, и обездоленные тем самым лишаются потенциального источника средств, необходимых для их поддержки.

1.5.2. Экономика этики

До сих пор речь шла об этически значимых *последствиях* экономических процессов, в особенности связанных с распределением общественного богатства и доходов. Но этические нормы встроены и в *само экономическое поведение*. Начиная с Адама Смита, экономисты строили свои рассуждения на предположении, что человек ведет себя эгоистично (во всяком случае, в хозяйственных делах), но все же цивилизованно, в соответствии с принятыми культурными нормами (не допускающими, например, прямого насилия, обмана, вероломства и т.д.). Так, выше отмечалось (раздел 1.3.2), как важна для экономического процветания атмосфера доверия в деловых отношениях. Доверие необходимо для стабильного функционирования кредитно-денежной системы; оно экономит время и снижает издержки при заключении деловых контрактов и т.д.

К сожалению, предпосылка о благонамеренном поведении экономических агентов не всегда соответствует действительности. Появление в арсенале экономической теории такого понятия, как «оппортунистическое поведение», ознаменовало собой отказ от этой предпосылки. Современный «экономический человек» может заниматься вымогательством, скрывать важную информацию, нарушать принятые обязательства, отлынивать от работы и т.д. Это, в свою очередь, предполагает ответные действия со стороны контрагентов: надзор за ходом выполнения контрактов, премии за добросовестную работу, судебные тяжбы и др. Из чего следует, что уровень деловой и трудовой этики в обществе имеет прямые экономические последствия: влияет

на уровень издержек производства и, следовательно, на конкурентоспособность продукции на рынке. Значимость этого фактора нетрудно оценить по расходам современных российских фирм на охранные службы. Не менее известный факт — обратная зависимость инвестиционной привлекательности стран и регионов от степени коррумпированности местных чиновников.

Вопрос о том, на какое поведение — благонамеренное или оппортунистическое — следует ориентироваться в теоретическом моделировании экономических явлений и практике институционального реформирования, высвечивает еще одну грань в отношениях экономики и этики. Оказывается, что это не только вопрос факта, — какой тип поведения преобладает. Это еще и вопрос ценностной установки: что исследователь, или законодатель, считает нормой, а что — отклонением от нее. Неоднократные эмпирические исследования зафиксировали общую закономерность: когда законодатель не доверяет рядовому гражданину, заранее предполагая за ним склонность к неблагоприятным действиям или неспособность к осознанию общественных интересов, рядовые граждане имеют тенденцию подстраиваться под такое отношение со стороны властей и снижать свой уровень гражданской ответственности [Grey, 1997]. Нечто подобное наблюдается и в академической среде: по данным обследований, студенты-экономисты устойчиво демонстрируют больший эгоизм и меньшую склонность к кооперации, чем студенты других специальностей [Хаусман, Макферсон, 2011, с. 118]. Судя по всему, эгоизм как норма в теории становится оправданием эгоизма как нормы жизни!

1.5.3. Ценностные установки и «большие теории»

Особую роль ценностная компонента играет в концепциях, которые выше были названы «большими теориями», т.е. теориях, обобщающих масштабные и, как правило, уникальные исторические процессы. Предметная область «больших теорий» — экономика как целое и долгосрочные траектории ее эволюции. Их функция — интерпретация и оценка фактов и явлений, особенно новых, характеризующих долгосрочные тенденции развития экономической системы. В этом смысле «большие теории» — это не «чистая» наука. Это теория, привязанная к историческим реалиям. По выражению Дж. Хикса, «экономическая наука находится на границе науки и истории» [Hicks, 1979, p. xi, 4, 38].

В социально-экономическом познании, в отличие от естественно-научного, существенное значение имеют единичные и даже уникальные явления и процессы. При изучении этих явлений стандартные методы анализа, опирающиеся на формально-логические обобщения, не подходят. На роль и специфику познания таких явлений обращали внимание экономисты разных научных направлений. Так, лидер поздней исторической школы Артур Шпитгоф ратовал за «гештальт-теории», методолог Бенджамен Уорд — за «систематические истории», лидер неоавстрийской школы Фридрих Хайек и традиционные институционалисты Чарлз Уилбер и Роберт Харрисон — за «структурные модели», эволюционисты Ричард Нельсон и Сидни Уинтер — за «оценочные теории». В каждом случае речь шла об определенных схемах описания,

способных фиксировать значимые признаки сложных социальных явлений (объектов) или процессов (ситуаций), т.е. об определенной *типологической* характеристике этих явлений и процессов. Фактически это были новые вариации на тему, впервые поднятую Максом Вебером.

Согласно М. Веберу, обществоведам придется пользоваться особым видом научных понятий, которые он назвал *«идеальными типами»*. Это понятия, которые специально конструируются исследователем на основе наблюдений изучаемого объекта и служат внутренне согласованной «интерпретативной схемой» для осмысления такого объекта в его конкретности.

«Большие» теории правомерно рассматривать в качестве специфического слоя знания, связанного с разработкой типологий социально-экономических систем и моделей типологически однородных экономических ситуаций. Такие концептуальные структуры способны интегрировать целые комплексы базовых экономических закономерностей, облегчая прикладные разработки по диагностике конкретных экономических систем и хозяйственных ситуаций, а также институциональному дизайну. Научная ценность типологий и моделей данного класса во многом зависит от способности исследователей выделить наиболее устойчивые и в то же время практически значимые признаки соответствующих объектов.

В этом свете заслуживают переосмысления наиболее известные из «больших теорий» прошлого — системы Смита, Рикардо и Маркса, или такие более локальные по объекту концепции, как теория крестьянского хозяйства Александра Чаянова. Сила этих систем в том, что они давали целостную картину важных общественных процессов и потому приобретали мировоззренческое значение, давали жизненные ориентиры целым нациям и общественным классам. Однако на определенном этапе такие теоретические системы стали отождествляться с экономической наукой как таковой, и в этом качестве были заслуженно подвергнуты критике. Историческая школа продемонстрировала ограниченность подобного представления: «смитианство» могло служить социально-политической доктриной для Англии, но оказалось непригодным в Германии.

Идеально-типическая «большая теория» может и должна быть объективной, но ее объективность относительна. Она предполагает объективный анализ фактов, организованных вокруг априорно принятой гипотезы о структуре и логике развития социально-экономической системы — гипотезы, выбор которой неизбежно обусловлен ценностными установками и социальными интересами.

Предметная область «больших теорий» обычно распадается на множество частных процессов, многие из которых могут воспроизводиться в разных исторических контекстах, характеризоваться определенной устойчивостью признаков и обобщаться соответствующими частными теориями. Специфическая задача «большой теории» — осмыслить совокупное действие таких частных процессов, разграничить ведущие и сопутствующие тенденции, главные и второстепенные факторы развития экономики и общества в конкретных исторических условиях. Такая задача, как правило, не имеет единственного «объективного» решения.

Первым крупным мыслителем, который попытался осмыслить эту ситуацию, был, по-видимому, К. Маркс. Он не только ограничил степень общности политико-экономических истин условиями отдельных общественно-экономических формаций, о чем шла речь выше (см. раздел 1.4.2), но и настаивал, как известно, на классовом подходе в политической экономии. Это предполагало возможность различных интерпретаций одной и той же реальности, в зависимости от классовой заинтересованности в том или ином вероятном сценарии развития событий. Фактически речь шла об определенном принципе интеграции и интерпретации частных положений политической экономии, или, иными словами, о способе рационализации того, что у Милля — и позже у Маршалла — оставлялось на произвол «здравого смысла». Правда, у Маркса это сближение базировалось на предпосылке линейности исторического развития, в результате чего интерпретации конкретных ситуаций сводились к выбору между прогрессивным, т.е. тем, что содействует движению вперед к более совершенному типу общества; и консервативным и даже реакционным — тем, что противодействует такому движению. Такой подход вносил в доктрину Маркса известное противоречие, ибо плохо согласовался с другим важным положением о том, что люди сами «творят свою историю»¹³. Но в данном случае важно зафиксировать уже сам факт, что классовый подход был своеобразной попыткой осмысления статуса политической экономии как «большой теории». Речь шла о знании, которое не просто описывает действительность, но и служит основой преобразования ее на практике.

С более широких позиций эта проблема разрабатывалась в рамках неокантианской концепции наук о культуре, в частности в работах Генриха Риккерта. Отправным пунктом рассуждений Риккерта служил факт невозможности для человеческого разума познать реальность в ее полноте и конкретности. Всякое человеческое знание строится поэтому на абстрагировании и в этом смысле избирательно. Этот вывод позволил Риккертю сделать важное разграничение между двумя принципами отбора эмпирических данных при образовании научных понятий и, соответственно, между двумя способами представления действительности в знании. Один принцип — это формирование понятий на основе общих признаков, характеризующих соответствующий класс явлений (при абстрагировании от признаков, характеризующих их индивидуальные особенности). Другой принцип — фокусировка внимания, напротив, на тех признаках конкретного явления, которые определяют его специфику, уникальность. В соответствии с первым принципом образуются общие понятия, в соответствии со вторым — индивидуальные. Разграничение методов «образования понятий» получило продолжение в делении наук на две группы: науки о природе, базирующиеся преимущественно на общих понятиях, и науки о культуре, где главную роль играют индивидуальные понятия.

¹³ Стремление самого К. Маркса выйти за рамки линейной схемы исторического процесса хорошо известно специалистам по его научному наследию. Наиболее яркое тому свидетельство — переписка Маркса с Верой Засулич о путях развития России. Но важная роль, которую в его теоретической системе играет предпосылка линейного развития, этим не умаляется.

Эта разделительная черта фиксирует лишь общую тенденцию и не влечет, по Риккерт, запрета на использование какого-либо из методов образования понятий в любой науке. Среди наук о культуре он выделял промежуточные случаи, относя к ним и политическую экономию. В таких науках неосновной способ образования понятий играет относительно большую роль, прежде всего в силу важности в экономической жизни массовых явлений [Риккерт, 1998, с. 107].

Главным в классификации наук Риккерта было то, что она предполагала радикальное переосмысление статуса и структуры социально-научного знания. Если еще раз воспользоваться терминологией Милля, то можно сказать, что «науку» и «искусство» в иерархии социального знания Риккерт поменял местами. Он не просто объявил «искусство» частью «науки», но и фактически придал ему статус науки (во всяком случае, сделал важный шаг в этом направлении) тем, что обосновал правомерность его специфического метода и, более того, его приоритет в рамках этой вновь конституируемой социальной науки.

Второй ключевой момент в концепции Риккерта — критерий отбора признаков в процессе образования индивидуальных понятий. Этот критерий стали называть «принципом соотнесения с ценностью», т.е. отбором элементов эмпирической реальности, обладающих общекультурной ценностью для членов общества, к которому принадлежат и его исследователи. Говоря проще, Риккерт искал общее основание для «объективной», т.е. не произвольной и не связанной с особенностями индивидуального восприятия, оценки общественных явлений и исторических ситуаций и находил его в сформированных культурой ценностных установках. Критерием объективности такого отбора в этом случае служил консенсус специалистов.

Стоит отметить, что функционально (но не по содержанию) критерий «соотнесения с ценностью» вполне аналогичен критерию «классового интереса» у Маркса. Правда, в отличие от Маркса, у которого такой критерий был внешним по отношению к науке, у Риккерта он стал внутренним элементом научной процедуры как таковой. Маркс оставлял выбор между экономическими системами и соответствующими готовыми теориями на долю *практического разума* (т.е. самим агентам социального действия), тогда как Риккерт предложил усилить *теоретического* и *практического* разума в социальном познании (иначе говоря, в поиске культурно обусловленного знания) объединить. Причем в этой комбинированной когнитивной структуре за чистым теоретическим разумом как генератором общих понятий осталось лишь весьма скромное вспомогательное место.

1.6. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Противоречивые процессы внутри неоклассического «мейнстрима» и оживление альтернативных течений повысило интерес к методологическим дискуссиям в экономической науке, что, начиная с 1980-х годов, приобрело

характер настоящего методологического бума. Эти дискуссии во многом изменили характер методологических исследований и дали импульс к переосмыслению самого образа экономической науки.

1.6.1. Постпозитивистские и постмодернистские интерпретации экономико-теоретического знания

В разрывании этих событий этапной была речь Василия Леонтьева как президента Американской экономической ассоциации на ее ежегодном съезде в 1970 г. В ней он обратил внимание на «симптом фундаментальной несбалансированности», характерный для состояния экономики как научной дисциплины: «Слабое и к тому же медленно развивающееся эмпирическое основание не может выдержать веса бурно растущей надстройки “чистой”, я бы сказал, умозрительной, экономической теории» [Леонтьев, 1990, с. 266].

Обсуждение вопросов методологии самими экономистами совпало по времени с важными сдвигами в западной философии науки последней трети XX в. Именно сочетание этих факторов предопределило развитие современной экономической методологии. Общим вектором изменений стало постепенное ослабление неопозитивистского ригоризма в трактовке научного знания, размывание демаркационной линии, отделяющей науку от других форм человеческого знания. Ключевая роль в таком переосмыслении принадлежала постпозитивизму Томаса Куна и Имре Лакатоша.

Непосредственное влияние концепции Т. Куна на экономическую методологию было, впрочем, незначительным — отчасти потому, что история экономической мысли в куновскую схему не вписывалась; отчасти из-за того, что экономисты с опозданием откликнулись на постпозитивистские веяния в философии науки. Гораздо более влиятельной оказалась концепция И. Лакатоша. Начиная с 1970-х годов новые идеи стали активно осваиваться историками экономической мысли и методологами.

Влияние, которое на экономическую методологию оказал Лакатош, обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, он пошел дальше Куна в сближении собственно научного знания и лежащей в его основе метафизики — «фонового», прежде всего философского, знания. Если у Куна роль парадигмы в текущей научной деятельности была скорее пассивной, то у Лакатоша эквивалент парадигмы — «жесткое ядро» научно-исследовательской программы — занял центральное место в составе самой научно-исследовательской программы, главной единицы анализа научных знаний. Во-вторых, Лакатош — в отличие от Куна — исходил из предположения, что в одной научной дисциплине могут сосуществовать различные конкурирующие между собой теории. Проще говоря, одни и те же факты, или, во всяком случае, факты, относящиеся к одной и той же предметной области, могут получать разные теоретические объяснения, в равной мере претендующие на истинность и признаваемые в качестве научных. В-третьих, позиция Лакатоша сознательно строилась как компромисс между Куном и Поппером, и он не отказывался от привычной для методолога нормативной функции.

Параллельное развитие разных научных традиций и школ; слабая их чувствительность к критике, в том числе к фактам, не согласующимся с общепринятыми теориями; место, которое заняла в науке «чистая теория» с ее нефальсифицируемыми постулатами — все эти реальные черты экономической науки получали в концепции Лакатоша свое объяснение и — отчасти — оправдание.

В результате под влиянием Лакатоша направленность экономико-методологических исследований существенно изменилась. Вместо привычных рассуждений о предмете и методе, операциональности и верификации на первый план выдвинулись исследования, в которых существующие научные школы и теории стали переосмысливаться в качестве научно-исследовательских программ или парадигм; зарождение и эволюция таких программ подвергались историко-методологической реконструкции, включая попытки воссоздания их «жестких ядер»; оценивалась их научная «прогрессивность».

Методология вновь обрела интерес к содержанию научного знания. Произошло взаимное сближение экономико-методологических и историко-научных исследований: методологические концепции стали использоваться для объяснения логики развития экономической мысли, а история науки превратилась в своего рода полигон для проверки методологических гипотез. Соответственно, изменилась роль методолога: последний стал прежде всего исследователем. Если раньше философия науки вооружала его своеобразным кодексом поведения ученого, с помощью которого он начинал судить, достойна ли теория считаться научной, то теперь та же философия науки снабдила его инструментами для анализа научных знаний.

Влияние постпозитивистской волны на экономическую методологию было глубоким, но недолго оставалось доминирующим: сказалось, что конкретный историко-научный материал не так легко, как обещали энтузиасты, вписывался в методологические схемы. С середины 1980-х годов это влияние стало ослабевать под напором более радикальных постмодернистских концепций в области философии и методологии науки и обусловленной ими широкой, многофакторной трактовки научной деятельности. Концепция Лакатоша на этом фоне стала восприниматься как слишком узкая. Те же самые качества (преемственность с поперианством и присутствие нормативного начала), которые обусловили ее успех в 1970-х годах, позже стали мишенями для ее критиков. Это наглядно проявилось на конференции 1989 г., специально посвященной применению методологии Лакатоша к анализу экономического знания. К удивлению организаторов конференции, из семнадцати представленных на ней докладов только в пяти отношении к методологии научно-исследовательских программ было однозначно позитивным [De Marchi, Blaug, 1991].

Пионером постмодернизма в экономической науке выступил американский экономист Д. МакКлоски. Его статья «Риторика экономики», а затем книга с таким же названием [McCloskey, 1985] вызвали широкий отклик тем, что затронули устои профессиональной веры экономистов — в то, что экономическая наука устремлена к познанию истины об экономике. Согласно же МакКлоски, экономическая наука — это прежде всего риторика, т.е. искусство убеждать. Что же касается аргументов, которые принято считать научными, то

их следует трактовать как один из способов убеждения, отнюдь не единственный и далеко не всегда решающий. Свой основной тезис МакКлоски проиллюстрировал на примере ряда известных работ влиятельных современных экономистов (Пола Самуэльсона, Роберта Солоу и др.), выделив в их аргументации риторическую составляющую, т.е. приемы, которые призваны подкрепить позицию авторов за счет литературной формы ее представления читателю.

Резонанс вокруг работ МакКлоски открыл путь целому спектру новых подходов к анализу экономической науки, отразивших — прямо или косвенно — влияние постмодернистских тенденций в западной культуре второй половины XX в. Постмодернизм как общекультурное явление оказал неоднозначное влияние на методологию общественных наук. В позитивном плане постмодернизм стимулировал новый виток старого спора между универсализмом и релятивизмом в подходе к научному знанию. Универсалисты исходят из того, что функция науки состоит в познании всеобщих законов природы и общества, что процесс такого познания кумулятивен и подчинен собственной внутренней логике. Отсюда делается вывод, что наука может и должна рассматриваться как в значительной степени автономная сфера деятельности. Релятивисты, напротив, акцентируют относительность научного знания, его культурно-историческую обусловленность. В этом споре постмодернизм продолжил и предельно радикализировал релятивистскую линию в послевоенной философии и методологии науки, связанную с именами Уилларда Куайна, Томаса Куна и Пола Фейерабенда. Причем в отличие от релятивизма в гуманитарно-научном знании XIX в., который покоился на идее историзма (соответственно, изменчивости) *объекта* познания, релятивизм XX в. перенес центр тяжести на неустранимую ограниченность и специфичность *субъекта* познания. В такой форме релятивизм стал приложим к любым наукам, не только общественным.

Если Кун показал, что ученый воспринимает объект своего исследования не непосредственно, а с помощью парадигмы как выражения коллективного сознания конкретного научного сообщества, то постмодернисты разложили саму парадигму на составляющие, или, если воспользоваться постмодернистским термином, подвергли ее деконструкции. В результате то, что у Куна было своего рода «линзой», фокусирующей взгляд исследователя, у постмодернистов оказалось целой системой «фильтров», корректирующих, деформирующих и в конечном счете конструирующих образ изучаемого объекта (см. рис. 1.1 и 1.2).

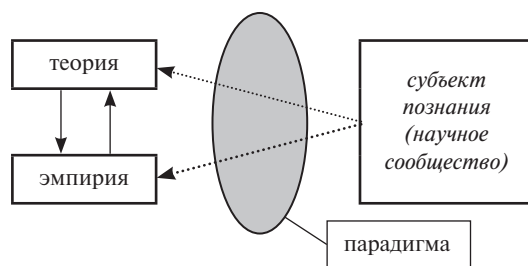

Рис. 1.1. Ученый и парадигма

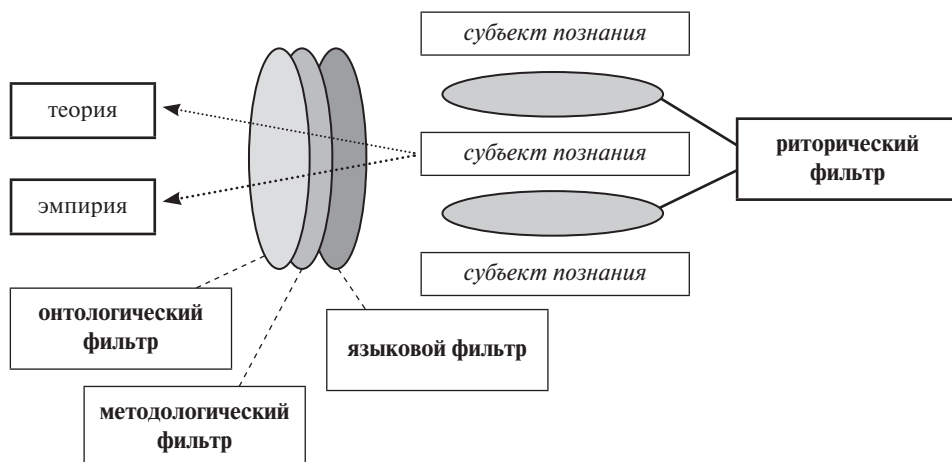

Рис. 1.2. «Фильтры» в познании

1.6.2. Эпистемологические фильтры в экономическом познании

Действие таких эпистемологических «фильтров» основано прежде всего на функциях языка. Язык — непременный посредник практически в любой научной деятельности. Но вопреки распространенному мнению, это вовсе не нейтральный посредник, полно и без искажений выражающий и передающий мысль. Язык-посредник имеет достаточно сложную структуру — можно выделить, по меньшей мере, три качественно разнородных слоя языкового опосредования в экономическом познании и связанные с ними эпистемологические «фильтры»:

- естественный (общекультурный) язык как средство описания экономических явлений в повседневной жизни — ему соответствует собственно языковой фильтр;
- терминология экономической науки как инструмент научного описания экономической реальности — ей соответствует онтологический фильтр;
- внешнее, прежде всего литературное, оформление экономических текстов и, соответственно, риторический фильтр;
- наконец, наряду с языком, еще одним посредником в познании выступает метод — основа методологического фильтра.

Фильтр естественного языка — фактор общекультурный и в силу этого внешний для экономической науки и от нее не зависимый. Одна из функций научной терминологии — как раз ослабление зависимости науки от многозначности слов естественного языка. Для экономиста естественный язык может быть объектом изучения. Так, для экономической антропологии несомненный интерес представляет сравнительный анализ национальных языков

в части, описывающей хозяйственные явления. Такой анализ способен выявлять различия в экономической культуре разных эпох и народов.

Два других фильтра действуют внутри самой науки. Они не только опосредуют деятельность ученого, но и сами формируются в этой деятельности. Язык здесь инструментален, причем и сами языковые средства, и их функциональная роль могут существенно различаться. Одно дело — научная терминология как инструмент в процессе получения нового знания, другое дело — язык как средство представить уже полученный результат. В первом случае язык выступает посредником между ученым и объектом познания, и на этой основе формируется онтологический фильтр, определяющий, как исследователь «видит» свою предметную область. Во втором случае речь идет об отношениях между ученым и пользователем научного знания (в самой науке или вне ее) — тут действует риторический фильтр.

Онтологический фильтр фактически присутствует уже в куновской концепции научной парадигмы, поскольку она включает профессиональную терминологию и, главное, формирует общее представление о предметной области. Постмодернисты сместили акцент на *форму выражения* научных онтологий, прежде всего на их образный, *метафорический* характер.

Точность и однозначность высказываний — одно из общепризнанных требований к языку науки. Поэтому постмодернистский тезис о том, что научные тексты изобилуют метафорами, поначалу прозвучал как вызов. Только после взаимного уточнения позиций постановка этого вопроса обрела некоторую респектабельность. Стало ясно, что метафоры — стандартный прием языковой практики, и сам по себе факт его использования в научном тексте ничего не говорит о его научных достоинствах. В то же время некоторые виды метафор (несмотря на свою расплывчатость, а возможно, и благодаря ей) имеют важную познавательную функцию и в научный лексикон попали не случайно. Была предложена следующая типология научных метафор [Klamer, Leonard, 1994, p. 31–42]:

- *педагогические метафоры* — они призваны прояснять сложные научные идеи для непосвященных, обычно путем создания соответствующих визуальных образов. При научном обосновании самих идей такие метафоры могут быть опущены без ущерба для аргументации. Такие метафоры сродни поэтическим: они изображают то, что хорошо известно, но делают это непривычным образом (такова, например, роль метафоры паутины при объяснении процесса установления рыночного равновесия с помощью так называемой «паутинообразной модели»);
- *эвристические метафоры* — это образы, чаще всего аналогии, которые помогают ученому осмыслить интересующую его проблему. Примером тому может служить понятие «человеческого капитала», возникшее в результате применения стандартного экономического термина «капитал» к нестандартному объекту — уровню образования и квалификации человека. Эта метафора была вызвана к жизни случайным разговором в американской глубинке, а впоследствии была развернута в целую исследовательскую программу [McCloskey, 1990,

р. 12–13]¹⁴. В более широком смысле любая теоретическая модель, в том числе формализованная, будучи по своей природе аналогией, также является эвристической метафорой;

- *конститутивные метафоры* — это целостные концептуальные схемы, с помощью которых человек постигает окружающий мир. Такие метафоры стоят у истоков целых научных школ и исследовательских программ, определяя общую направленность научной мысли. Именно на их основе формируются научные онтологии, или в нашем случае, онтологические фильтры. В свою очередь, эти корневые метафоры служат фоном, или контекстом при рождении эвристических метафор. Так, в истории экономической науки ключевую роль имело соперничество метафор «механизма» и «организма». Если А. Смит, Л. Вальрас, У. Джевонс, неоклассики XX в. мыслили экономику сквозь призму механических метафор, то К. Маркс, Г. Шмоллер, Т. Веблен, А. Маршалл отдавали явное предпочтение метафоре организма.

Риторический фильтр. В современных работах по риторике в науке это явление понимается неоднозначно. В узком смысле слова риторика — это искусство формы, прежде всего мастерство владения словом, умение придать тексту адекватный литературный вид. В этом случае научная литература выступает как особый литературный жанр и оценивается в соответствии с литературно-художественными критериями. Примером здесь могут служить исследования Вивьен Браун, посвященные языку А. Смита [Браун, 2011]. Опираясь на идеи известного русского философа и филолога Михаила Бахтина, автор проанализировала два главных сочинения Смита, обратив внимание на их литературно-стилевую контрастность: диалогизму «Теории нравственных чувств» противостоит монологизм «Богатства народов».

Для риторического подхода в широком смысле слова язык — не самоцель. Это способ фиксации мыслей автора, которые и подлежат расшифровке. Предполагается, что научное знание эмпирически существует не иначе, как изложенное средствами языка, т.е. как совокупность текстов, или дискурс. Соответственно, акцент ставится на отношении между носителем знания и его пользователем, в отличие от постпозитивистского акцента на отношении между субъектом и объектом познания. Именно этим различием обусловлено разграничение онтологического и риторического фильтров. Хотя именно узкая трактовка риторики соответствует обыденному словоупотреблению, в постмодернистской литературе она является скорее исключением. Постмодернисты апеллируют к традициям античной риторики, не отделявшей себя «от знания истины вещей» [Гадамер, 1991, с. 194].

Интерес постмодернистов к научной риторике — это, прежде всего, интерес к тому, как ученые используют имеющуюся у них свободу самовыражения. Разумеется, эта свобода не безгранична: ученый утратит свой статус, если

¹⁴ Следует, впрочем, уточнить, что идея «человеческого капитала» в истории экономической мысли возникала неоднократно, в том числе в трудах таких авторитетных авторов, как Адам Смит и Фридрих Лист. Однако только во второй половине XX в. она оказалась востребованной и стала эвристической метафорой.

допустит фальсификацию научных результатов или вместо научных данных начнет излагать собственные фантазии. Тем не менее риторика ученого — это не только и не столько вопрос его литературного стиля. Наука в постмодернистском восприятии насквозь социальна: ее главными персонажами, наряду с авторами научных текстов, выступают редакторы и рецензенты, академические боссы и грантодатели.

Предполагается, что именно эта социальная среда, а не бескорыстное служение абстрактной истине, в наибольшей степени влияет на мотивации научных работников. В свою очередь, эти мотивации диктуют поведение на всех этапах научного процесса: выбор «диссертабельных» тем и модных методик исследования, стремление к должному уровню математизации при обосновании результатов, презентации работы на престижных конференциях, обеспечение необходимого количества публикаций, предпочтительно в журналах с высоким рейтингом цитируемости и т.д.

Совокупное влияние всего комплекса факторов научной деятельности в конечном счете запечатлевается в научном дискурсе. Риторический анализ содержания и стилистики научных текстов, структуры научных публикаций смыкается здесь с институционально-социологическим изучением науки, что позволяет критически оценивать положение дел в «профессиональном цехе», выявлять расхождения между номинальными и реальными нормами научной жизни, декларативными и фактическими критериями, направляющими научную работу.

Примером подобного исследования может служить анализ выборки статей, опубликованных в ведущем английском экономическом журнале на предмет применения ослабляющих оговорок при оценке полученных авторами научных результатов. Речь шла о распространенном в научной практике обычае избегать категоричности при оценке собственных результатов, а соответственно, и авторских притязаний на новизну и оригинальность, и сопровождать такие оценки оговорками типа «вероятно», «скорее всего», «собственно говоря», «как мы ожидаем», «следует предположить» и т.д. — такими, что снижают уязвимость автора для критики. Исследователи обнаружили любопытную закономерность: оказалось, что такие оговорки гораздо чаще используются при формулировании авторских притязаний на теоретические результаты (связанные главным образом с разработкой аналитического инструментария — моделей, методов и т.д.), чем при оценке результатов, характеризующих реальную экономику. Для объяснения такого эффекта была предложена гипотеза, которая вывела на проблему, относящуюся к организации современной экономической науки, а именно, на иерархию действующих здесь критериев. Пришлось предположить, что вопреки декларациям об ориентации экономической науки на эмпирические и практически значимые результаты, на самом деле авторы научных статей придают больше значения разработке теоретического инструментария, чем выводам, относящимся к реальным процессам [Bloor, Bloor, 1993, p. 161–164].

Методологический фильтр. Научное познание вооружено методом, т.е. специально разработанной и сознательно применяемой технологией изучения соответствующего предмета. Для экономической науки вопрос о методе тра-

диционно был вопросом о ее соответствии определенному методологическому стандарту. Если стандарт сомнений не вызывал, то внимание фокусировалось на особенностях его применения; когда же у принятого стандарта появлялся конкурент, дискуссия о методе перерастала в борьбу за утверждение одного из конкурирующих стандартов. Таков был знаменитый «спор о методе» между К. Менгером и Г. Шмоллером в конце XIX в., такой же характер имела в XX в. полемика между Л. Мизесом и неоклассиками, между К. Поппером и марксистами.

Сами методологические стандарты отражали опыт наук-лидеров, а методология служила главным каналом распространения общенаучных тенденций. По той же причине фактор метода сохранял известную автономность по отношению к внутренней логике развития конкретных наук. В разные эпохи и для разных школ экономической мысли методологическими ориентирами служили механика, биология, история, философия, математика.

Выделение (см. рис. 1-2) среди прочих методологического фильтра призвано отразить именно эту специфику распространения методологических импульсов в науке. Правда, вместе с методологическими стандартами нередко заимствовались и соответствующие онтологические метафоры, что на языке этой схемы равносильно совмещению методологического фильтра с онтологическим. Именно таким сдвоенным фильтром можно считать научную парадигму Т. Куна, которая одновременно служит методологическим образцом и обеспечивает общее видение предметной области.

1.6.3. Некоторые уроки методологического бума

Экономическая методология была и остается полем острых дискуссий и объектом критики, прежде всего со стороны исследователей-практиков. Насколько устойчивы, в свете этой критики, тенденции последних десятилетий? Чтобы ответить на этот вопрос, важно оценить как аргументы оппонентов, так и — в особенности — уроки, которые к настоящему времени уже принес методологический бум.

Главный аргумент против методологии основан на неприятии разделения труда между методологом и исследователем-практиком. Утверждается, что специалисту в конкретной области трудно ожидать пользы от советов неспециалиста в данной области, каковым, по определению, является методолог; если же по каким-то причинам методолог действительно знает, как решать конкретные проблемы, то зачем ему ограничиваться советами: не лучше ли самому взяться за их решение? Эти доводы звучали и в начале, и в конце XX в.

Критика была, безусловно, справедливой в том смысле, что методолог не может заменить ни одного специалиста в конкретной области. Эта критика была отчасти оправданной в отношении традиционной нормативной методологии, которая нередко претендовала на роль верховного судьи в теоретических спорах. Но эта критика вряд ли справедлива, если речь идет о современной экономической методологии, которая извлекла из истории важные уроки

и в лице многих своих представителей не просто отказалась от подобных претензий, но и теоретически преодолела связанные с ними иллюзии.

Урок неопозитивизма. Неопозитивистский стандарт имеет сегодня мало сторонников в среде профессиональных методологов, но он сохранил привлекательность для заметной части экономистов-исследователей. Его опорой была и остается вера ученого в предназначение науки познавать мир, каким он есть, стремление твердо держаться фактов.

Главный урок неопозитивизма состоит в том, что он показал, как трудно в реальной научной практике строго держаться фактов и только фактов. Неопозитивизм существенно обогатил ремесло ученого, прививая привычку избегать неоднозначных суждений и обучая искусству перевода с языка фактов на язык теории. Однако попытка последовательно идти этим путем, отказываясь от метафизики, общих теорий и поиска скрытых от наблюдения сущностей, оказалась не просто нереальной: установка на строгость и эмпирическую однозначность научных утверждений привела к мельчанию тематики, уходу от фундаментальных проблем и даже, нередко, утрате смысла научного общения, когда, согласно лаконичной формуле известного американского экономиста Акселя Лейонхувуда, «мы точно знаем, что сказано, но затрудняемся понять, о чем именно идет речь» [Leijonhufvud, 1997, p. 196].

Уроки постмодернизма. Постмодернистская постановка вопроса о методе и методологии отталкивалась от концепции методологического анархизма П. Фейерабенда, оставившей за ученым полную свободу выбора в области метода. Применительно к экономической науке, постмодернистская позиция сводится к следующим основным пунктам:

- отрицание «большой», т.е. традиционной нормативной методологии как особого типа знания, «вносящего» в конкретную науку «подлинно научный» (истинный, правильный и т.д.) метод познания;
- признание принципа методологического плюрализма, оставляющего за ученым право самому определять метод исследований;
- признание «малой» методологии как совокупности знаний о конкретных технологиях научного анализа;
- установка на изучение фактической методологии экономических исследований на основе описания и интерпретации научного дискурса или истории экономической мысли.

Принцип методологического плюрализма в контексте постмодернистской концепции науки привел к радикальному пересмотру отношений между объектом и субъектом познания. Если мотивация субъекта познания определяется сложившимися в науке «правилами игры» и если эти «правила игры» оставляют за ним свободу интерпретации предмета познания и свободу выбора метода исследования, то говорить об объективности познания становится затруднительным. Логика постмодернистского подхода к науке подводит к ряду важных выводов:

- во-первых, научное знание вообще и экономическое, в частности, — это социальный конструкт, т.е. продукт сознательной деятельности, протекающей в определенных социальных рамках;

- во-вторых, социальным конструктом являются не только частные знания, но и любая общая картина экономической реальности, причем таких социально сконструированных «реальностей» может быть сколь угодно много;
- в-третьих, не существует экономики как единой научной дисциплины, есть лишь «изменчивое поле фундаментально различных и часто конфликтующих дискурсов» [Amariglio, Resnick, Wolff, 1990, p. 109];
- в-четвертых, научное знание, будучи социальным конструктом, не дает основания судить о каких бы то ни было объективных сущностях; научное знание — это не более чем интерпретация объекта с определенной (одной из возможных) точки зрения¹⁵.

Уроки постмодернизма неоднозначны: внедряя в сознание идеи методологического плюрализма, теоретического релятивизма и социальной обусловленности научных знаний, постмодернизм не дает убедительных разъяснений, как организовать эффективное функционирование научного сообщества на базе этих принципов. Критики постмодернизма в экономической науке резонно обращают внимание на то, что отказ от какого бы то ни было методологического стандарта в науке — пусть спорного и несовершенного — на практике может способствовать не столько свободе творчества, сколько дальнейшему усилению таких вненаучных критериев, как «продаваемость» или «карьерная эффективность» научного «товара» [Hutchison, 1992, p. 142].

Реакцией на такое положение стало усиление в последнее время прагматической «средней линии» в экономико-методологической литературе. Наиболее характерная черта этого подхода — стремление определить границы методологического плюрализма без отказа от самого принципа. С одной стороны, плюрализм предлагается поставить под контроль критики, с другой — сохранить нормативность методологии в рамках плюрализма, «делегировав» ее отдельным направлениям и школам экономической мысли. Проявлением той же прагматической тенденции служат попытки переоценить отношение к парадигмам Куна как способу концептуализации структуры науки. Отодвинутая в тень сначала за избыток радикализма (в пользу теории Лакатоша), а затем — за его недостаток (постмодернистами), концепция Куна теперь выступает как своего рода компромисс между традиционным и постмодернист-

¹⁵ Характерно, что данная позиция, часто определяемая как антиэссенциализм, отстает не только эмпирически настроенными методологами, но и одним из течений в современно западном марксизме, опирающимся на идеи французского философа Луи Альтюссера. Представители этого течения усматривают в методологии К. Маркса противоречие между установкой на выявление сущностных характеристик объекта («эссенциализм»), с одной стороны, и классовым подходом в социальном познании — с другой. Выход из положения они видят в отказе от «эссенциализма». Поскольку, согласно Альтюссеру, детерминация конкретно исторических явлений всегда многофакторна и не сводима к единственной конечной причине, постольку поиск сущностей не имеет практического значения, и задача состоит в осмыслении действительности с некоторой сознательно избранной исходной точки зрения — *entry point*.

ским подходами к методологии, на базе которого возможна конструктивная интеграция их элементов [Dow, 1996].

Значение постмодернистской деконструкции науки состоит прежде всего в том, что она помогла преодолеть многие иллюзии о научном знании, пусть и ценой немалого дискомфорта для тех, кто причастен к его производству. В результате самонадеянность представителей научной ортодоксии, в нашем случае — неоклассической экономической теории, была заметно поколеблена. Возникло характерное противоречие. Структуры и механизмы западного академического сообщества в области экономики за последние годы мало изменились: оно по-прежнему воспроизводит свои институты, критерии деятельности, учебные планы и, самое главное, кадры. Более того, не прекратился процесс вовлечения в эту орбиту все новых «отставших от поезда ортодоксии» стран и университетов. В то же время внешняя среда существования этого относительно замкнутого академического сообщества медленно, но неуклонно меняется: в точках соприкосновения академического микрокосма с миром внешним возникают все новые напряжения. Прежде всего, это реакция на провалы в экономической политике, запрограммированные учеными-консультантами, в не последней степени в так называемых «новых рыночных экономиках». Так, виднейший представитель поперианского крыла в современной экономической методологии М. Блауг (1927–2011) едко заметил, что «наше понимание того, как функционируют реальные рынки, стало теперь едва ли не меньшим, чем было у А. Смита и Л. Вальраса... Не удивительно, что мы как профессиональное сообщество оказались хуже, чем бесполезными, когда стали давать советы правительствам Восточной Европы, как им переходить от командной экономики к рыночной» [Blaug, 2002, p. 39].

Среди других проявлений той же тенденции — наметившиеся сдвиги в предпочтениях студентов в сторону снижения популярности экономических факультетов, эволюция общего интеллектуального климата, и — отчасти как выражение этой последней тенденции — критическая работа экономистов-методологов, упорно и терпеливо разъясняющих своим коллегам по академическому сообществу источники и причины возникающих проблем.

В этих условиях в самом академическом сообществе создаются предпосылки для активизации и усиления влияния альтернативных течений экономической мысли, оживления контактов и дискуссий между представителями разных научных школ.

1.6.4. Функции современной экономической методологии

В то время как прежняя, преимущественно нормативная функция методологии оказалась под огнем критики, современные экономисты-методологи предприняли немалые усилия по освоению новых сфер профессиональной активности. В результате сегодня можно говорить о таких функциях методологии, как:

- а) дескриптивно-методологическая;
- б) критически-онтологическая;
- в) профессионально-этическая.

Дескриптивно-методологическая функция. В экономико-методологической литературе двух последних десятилетий переосмыслению подверглось не только общее представление о науке — во многом изменился и уровень понимания фактического положения дел в «профессиональном цехе» экономистов. В работах, характеризующих это положение, экономическая наука предстает как сложно структурированный и динамично развивающийся организм, действующий в соответствии со своими, порой неявными, правилами и закономерностями.

Были описаны механизмы функционирования научного сообщества; на основе углубленных интервью с ведущими экономистами показана их творческая лаборатория; опубликованы работы, в которых видные специалисты разных направлений и специализаций представили свои взгляды на роль теории, принципы и методы научной работы; язык и литературный стиль экономических произведений.

Одним из наиболее перспективных направлений работы становится тщательный методологический анализ научного творчества отдельных авторов. Такие исследования дают возможность понять технологию научной работы крупных ученых и нередко развеивают связанные с ней мифы, вскрывая, например, расхождения между методологическими декларациями и фактической методологией многих видных экономистов, таких как М. Фридмен, П. Самуэльсон, Р. Коуз (см., напр., [Мяки, 2004]) и др.

Именно экономико-методологические исследования подвели к пониманию реального жанрового разнообразия современной экономической науки. Было показано, например, что немалая путаница при постановке научных и образовательных задач связана с нечетким разграничением исследований, нацеленных на разработку формализованных теоретических моделей, с одной стороны, и эмпирически ориентированных исследований — с другой [Mayer, 1993].

Еще большие проблемы связаны с недооценкой специфики исследований, имеющих непосредственно практическую (прежде всего экономико-политическую) направленность. Такие исследования часто смешиваются с конкретизацией теоретических моделей для особых классов объектов или ситуаций, в то время как речь должна идти о разработках, увязывающих знание экономических закономерностей с конкретными обстоятельствами экономико-политической ситуации. Для более точного определения этого жанра исследований предлагается вернуться к термину «искусство экономики» [Colander, 2001].

Следует подчеркнуть, что в данной сфере также действуют свои социальные фильтры, направляющие восприятие проблемной ситуации исследователем-прикладником и заказчиком (см. рис. 1.3). На стороне заказчика прежде всего его цели (политические установки), а на стороне исследователя — его системно-практическая онтология, концептуализирующая проблемную ситуацию на базе его профессиональных знаний и опыта. Наконец, фильтр ценностных установок обозначает особое место этого фактора в механизме функционирования прикладного знания как поля потенциаль-

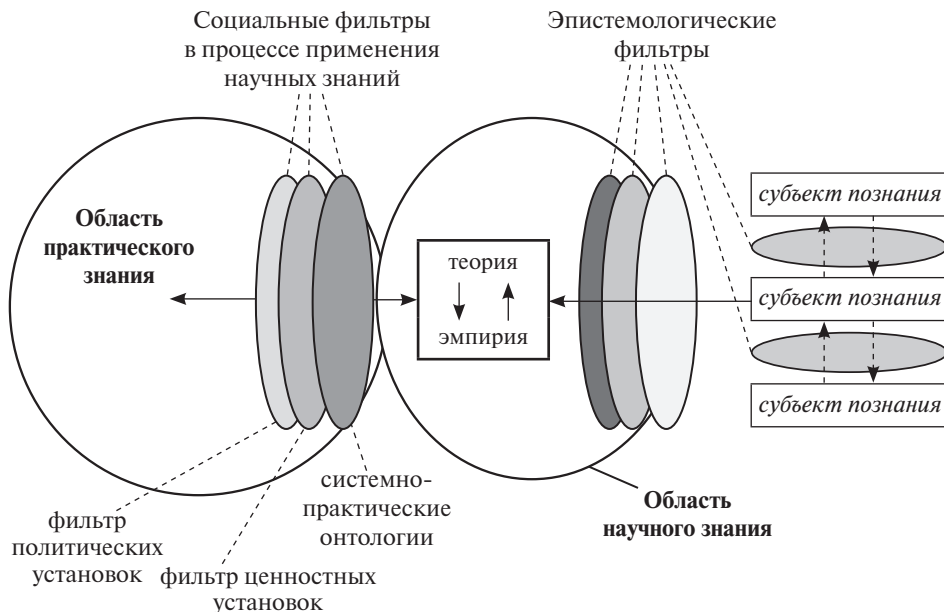

Рис. 1.3. Наука и практика

ного ценностного (в частности, этического) конфликта между заказчиком и ученым-исполнителем.

Дескриптивно-методологические исследования имеют двоякую роль: для самого научного сообщества это необходимое условие формирования адекватного профессионального самосознания, для широкой общественности — источник информации об экономической науке как общественно значимом факторе, оказывающем влияние на экономическую политику. На значимость экономической методологии безотносительно к тому, как относятся к ней сами экономисты, указал известный современный экономист-теоретик Ариэль Рубинштейн:

Академические экономические исследования используют общественные ресурсы и выполняют образовательные функции. В отношении таких видов деятельности должен существовать определенный мониторинг, тем более в данном случае, коль скоро многие экономисты постоянно высказывают суждения о действительности, базируясь в своей аргументации на опыте академических исследований. Между тем единственно, кто может осуществить такой мониторинг, — это или сами экономисты, или философы, хорошо знающие экономическую науку [Rubinstein, 1998, p. 40].

Критически-онтологическая функция. Наглядным свидетельством активной роли в экономической науке онтологических установок служат данные специальных опросов американских студентов. Оказалось, что в университетах, известных своими научными школами, настроения студентов весьма четко следуют за ориентациями профессуры. Так, один и тот же вопрос анкет

«Согласны ли Вы с тем, что инфляция — это преимущественно денежный феномен?» в монетаристски ориентированном Чикагском университете получил 84% твердо положительных ответов студентов, тогда как в традиционно кейнсианском Массачусетском технологическом институте — только 7% [Colander, 1994].

Вернув в сферу своих интересов вопросы научных онтологий (картин экономической реальности), экономисты-методологи не только продемонстрировали значимость этой компоненты научного знания, но и включились в конкретную исследовательскую работу по реконструкции и критическому анализу таких онтологий.

Наибольшее внимание уделялось реконструкции и осмыслению онтологических (поведенческих, этических и институциональных) предпосылок современной неоклассической теории. В частности, анализировались противоречия между онтологиями, лежащими в основе, соответственно, микро- и макроэкономики, теории общего экономического равновесия и микроэкономической теории рационального поведения [Favereau, 1997; Kirman, 1989; Mäki, 2001]. Активно обсуждались онтологические предпосылки альтернативных направлений современной экономической мысли: неоавстрийской школы, посткейнсианства, институционализма.

Развитие эволюционной экономики привлекло внимание к вопросу о применимости в экономической науке синергетических представлений, особенно к возможностям и перспективам экономической интерпретации нового математического аппарата, развитого в этой области.

Профессионально-этическая функция. При общей дискуссионности вопросов, связанных с нормативностью методологического знания, есть один пункт, в отношении которого нормативное начало признается, похоже, экономистами-методологами разных направлений. Он касается этики дискуссии, или *Sprachethik* (этот немецкий термин был введен неомарксистскими философами Франкфуртской школы). И хотя возможная действенность некоего кодекса научного обсуждения оценивается неодинаково, есть общее понимание его желательности для современной экономической науки. В условиях, когда экономисты разобщены профессионально, идейно, теоретически, методологически, а трудности общения между приверженцами разных научных парадигм имеют достаточно глубокие эпистемологические корни, — в этих условиях вопрос о взаимопонимании и профессиональном общении внутри научного сообщества приобретает совершенно новое звучание, вырастая в одну из главных проблем функционирования науки. Соответственно, распространение и культивирование в среде экономистов принципов *Sprachethik* станет, возможно, одной из приоритетных задач экономической методологии.

Речь идет о простых, но далеко не всегда соблюдаемых на практике правилах поведения, таких как: не лги; будь внимателен к собеседнику; не высмеивай оппонента; сотрудничай; не кричи; не мешай говорить другим; будь открытым к альтернативным взглядам; объясняй свою позицию, когда тебя об этом просят; не прибегай к насилию или тайному сговору в помощь своим идеям [McCloskey, 1994, p. 99].

1.6.5. Заключение

Сегодня можно констатировать, что после трех десятилетий неуклонного усиления масштабов и глубины философско-экономических исследований экономическая методология сложилась в новую субдисциплину современной экономической науки. В основе этого явления лежат объективные процессы дифференциации и профессионализации экономической науки, тенденции к усложнению и даже фрагментации экономического знания. Возникла реальная потребность в укреплении таких элементов экономического знания и институтов научного сообщества, которые поддерживают механизмы внутринаучной коммуникации, обеспечивают взаимопонимание между экономистами разных специализаций и научных направлений.

Профессионализация экономической методологии внесла существенные изменения в характер взаимоотношений между методологами и специалистами в конкретных областях экономической науки. Прежний тип отношений, когда в роли методологов выступали, как правило, видные экономисты-исследователи, нередко принимавшие на себя функцию арбитра в научных спорах, а сама методология воспринималась как набор предписаний относительно того, как следует вести научное исследование, — этот тип отношений, по-видимому, уходит в прошлое. Сегодня экономист-методолог — это прежде всего специалист, изучающий состояние и эволюцию системы научных знаний, практику функционирования и тенденции развития экономической науки как сложного общественного института. Экономист-методолог не может заменить профессионала в конкретной области теории или прикладного знания. Но точно так же и специалист-конкретник не может заменить методолога-профессионала в области его компетенции. Методолог призван выявлять узкие места в сложившейся системе научных знаний и механизме воспроизводства научного сообщества; способствовать взаимопониманию и диалогу между учеными в условиях теоретического и методологического плюрализма; содействовать междисциплинарным контактам экономистов; выявлять и поддерживать перспективные научные подходы, в особенности на стыках научных дисциплин и теоретических школ; культивировать этику научного общения; обсуждать общие проблемы состояния и перспектив развития экономической науки в современном и будущем обществе.